

Эволюция русско-германской этнополитической системы

А.В. ФЕНЕНКО*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу русско-германских отношений как особой этнополитической системы. Автор определяет этнополитическую систему на межгосударственном уровне как взаимоотношение двух и более этносов, которое приобретает новое качество, выраженное через создание общей политической системы. Эта система должна включать в себя пять компонентов: наличие значимого представительства одного народа в государстве другого, изменение качества государственности как минимум одного из участников, возникновение новых народов, наличие интенсивного взаимодействия между участниками и институциональное оформление. Автор полагает, что российско-германские отношения XVIII–XIX веков были примером подобной этнополитической системы, которой были присущи все пять перечисленных характеристик. Эта система прошла ряд этапов в своем развитии: возникновение (начало XVIII в.), подъем (XVIII – начало XIX вв.), зенит (вторая четверть XIX в.), кризис (1850-е годы), закат (вторая половина XIX в.), и распад (первая половина XX века) по итогам двух мировых войн. Однако русско-германская система оставила после себя наследие в виде современной этнополитической карты Восточной Европы, которая обладает серьезным конфликтным потенциалом.

Ключевые слова

этнополитика, этнополитическая система, российско-германские отношения Россия, Германия, Пруссия, Австрия, Романовы, Гольштейн-Готторпы, Ольденбург, остзейские немцы

Для цитирования

Фененко А.В. (2025). Эволюция русско-германской этнополитической системы. *Управление и политика*. 1(4). С. 21–56. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-21-56

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Фененко Алексей Валериевич – доктор политических наук, профессор Факультета мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова. 119234, Россия, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51. E-mail: alfenenko@yandex.ru

В первой половине 1990-х годов многие стали проявлять интерес к перспективам российско-германского альянса. Либералы обсуждали Германию как ключевого экономического партнера России и ее проводника в евроатлантические структуры (Евстигнеев, 1995; Максимычев, 1996). Патриоты размышляли о возвращении русско-германского союза времен Веймарской республики, где Москва и Берлин будут совместно противостоять «атлантическому Западу» (Тверской, 1991). Спустя четверть века можно констатировать, что обе идеологии русско-германского альянса оказались несостоятельными. Конфликт на Украине продемонстрировал, как легко немецкая элита готова разорвать наработанные экономические связи с Россией, поддерживая военным путем противников страны.

Эксперты нередко объясняют враждебную позицию Берлина в отношении нашей страны на пребывание ФРГ в НАТО и ЕС (евроатлантических структурах), ограничение ее суверенитета, присутствие американских войск на ее территории (Павлов, 2019; Тимофеев, Хорольская, 2021). Но такая точка зрения, полагаю, не объясняет всего комплекса проблем в двусторонних отношениях. Если предположить сценарий, при котором в будущем НАТО распадется, а США уйдут за Атлантический океан, то едва ли это приведет к возобновлению русско-германского альянса по образцу альянсов России с Австрией и Пруссией в XIX веке. В минувшем столетии и наша страна, и Германия пережили настолько глубокие внутриполитические и этнополитические трансформации, что фактически вышли из них

качественно иными государственными образованиями. Полагаю, что и невозможность восстановления русско-германского союза, и сам «атлантический выбор» ФРГ – только результат этих трансформаций, блокирующих восстановление союзнических отношений.

Гипотеза автора заключается в следующем. На протяжении 250 лет (с начала XVIII до середины XX в.) Россия и «германский мир»¹ были единой этнополитической системой, в которой происходило их синхронное и взаимозависимое развитие. Кризис этой системы, обозначившийся во второй половине XIX века, привел к ее распаду по итогам двух мировых войн. Однако русско-германская система оставила после себя наследство в виде современной этнополитической карты Восточной Европы, которая обладает серьезным конфликтным потенциалом. Цель статьи – показать эволюцию русско-германских отношений как особой этнополитической системы², выделить этапы ее развития и определить конфликтный потенциал ее геополитического наследия в современной Восточной Европе.

Категория этнополитической системы

В современной политологии понятие «этнополитическая система» остается недостаточно отрефлексированным. В большинстве работ происходит его фактическое отождествление с этнической политикой (этнополитикой) – деятельностью государства по отношению к определенным этническим группам (Аствацатурова, 2020; Тишков, Шабаетов, 2019).

¹ Здесь и далее по тексту автор разделяет понятия «германский мир» как сообщество немецкоязычных народностей и «германскую систему» как политическую форму его организации.

² Тезисы изложены автором в статье: Фененко А.В. Взлет и падение русско-германской системы. РСМД. 12 мая 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vzlet-i-padenie-russko-germanskoj-sistemy/> (дата обращения: 15.01.2025)

Однако отождествить этническую политику с этнополитической системой было бы некорректно по нескольким причинам. Политика предполагает комплекс мер, направленных на достижение определенной цели; система как взаимодействие элементов, приобретающее новое качество, может осуществляться и без целеполагания политических субъектов. Этническое взаимодействие может перерастать рамки государств: приводить к появлению диаспор, новых государственных образований или народов за счет синтеза или распада этносов. Иначе говоря, этнополитическая система – понятие более широкое, чем этническая политика: она может возникать на основе этнополитики, но может и обходиться без нее, возникая стихийно или под воздействие иных процессов.

Перспективное направление здесь задавал австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи (1901–1972): он определил систему как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии, т.е. в рамках системного подхода упор следует делать на изучение не самих элементов, а связей между элементами (Берталанфи, 1969). Эту направленность на определение внутриа этнических отношения сохранили и другие российские исследователи, определявшие этнополитическую систему как 1) совокупность «властных структур различных уровней и акторов, позиционирующих себя как этнических» (Хоперская, 2013); 2) цивилизацию как объект пространства политического (Асаул, Джаман, Шуканов, 2010); 3) модель политологического анализа, которая включает в себя все этнические группы, проживающие в конкретном государстве; специфику взаимодействия между ними и государственными политическими институтами (Болотина, 2019).

Однако теория этнической системы как структуры этноса не подходит для определения межэтнических отношений

на межгосударственном уровне. Границы проживания этносов зачастую не совпадают с межгосударственными границами, и один народ может проживать в разных государствах. У одного народа может также быть несколько государств, которые вступают между собой в сложные отношения, включая военные конфликты. Новые народы могут возникать из распада государства, как это было, например, с распадом Франкской, Австро-Венгерской и Османской империй. Наконец, этнополитическая система шире, чем проживание разных народов в составе одного государства: это могут и надгосударственные объединения, и альянсы, и система вассально-сюзеренных отношений, и интеграционные объединения. Этническая система означает взаимодействие этносов, этнополитическая система – взаимодействие этносов, выходящее на международно-политический уровень.

Определить этнополитическую систему на межгосударственном уровне можно, объединив несколько методологических подходов. Американский политолог Д. Истон трактовал политическую систему как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом привносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем (Истон, 2015). Британский этносоциолог Э. Смит указывал, что политические институты могут играть важную роль в формировании и укреплении этнических связей, хотя само их наличие не обязательно влечет за собой политическую консолидацию сообщества (Smith, 2009). Этнополитическая система возникает там и тогда, где взаимодействие этносов на межгосударственном уровне создает новую политическую систему. Большую помощь может оказать теория коллективного поведения американского социолога

Нила Смелзера (Smelser, 1962), выделявшего в ней ряд элементов. На их основе мы можем выделить пять критериев для выделения этнополитической системы.

Во-первых, этнополитическая система требует наличия значимого представительства одного народа на территории государства другого народа. Таким представительствам может быть существование крупной диаспоры или «переходных» народностей, впитавших в себя обе культуры. Иначе говоря, у этнополитической системы, используя терминологию В.А. Цымбурского (Цымбурский, 1998), должна быть геополитическая конструкция: этнический и территориальный мост, связывающий оба народа.

Во-вторых, этнополитическая система должна менять качество государственности данного народа. Между Россией и Францией в XVIII–XIX вв. были, например, интенсивные политические и культурные контакты (вплоть до превращения французского языка в разговорный для русской аристократии), но это не было франко-русской этнополитической системой: русские эмигранты не влияли на качество французской государственности, равно как и французы в России также не влияли на качество русской. Не было и франко-шведской этнополитической системы, несмотря на тесный политический союз между Францией и Швецией в XVII–XVIII веках, французы не влияли на качество шведской государственности, а шведы – французской. Зато было бы корректно говорить, например, о существовании, австро-славянской политической системы: государственность Чехии, Словакии, Словении, Хорватии возникла из распада Австро-Венгерской империи в 1918 году, впитав в себя ее наследие.

В-третьих, этнополитическая система должна приводить к формированию новых народностей и народов. Переходные

формы со временем эволюционируют в новые этнические образования или во все новые государства. Применительно к русско-германской системе характер такого взаимодействия носил асимметричный характер из-за наличия массовой немецкой миграции в Россию, а не наоборот. Однако в первой половине XX в. характер взаимодействия был отчасти выровнен через фактор белой эмиграции в Германии (среди представителей которой было немало этнических немцев), а также повторной «германизацией» остзейских немцев, депортированных в 1939 г. Они не создали новых народов в рамках Германии, но выступали своеобразными осколками прежней системы.

В-четвертых, между участниками этнополитической системы должно осуществляться интенсивное взаимодействие. Оно может принимать как формы политического и культурного сотрудничества, так и острых противоречий, включая конфликты и войны. Российский политолог Н.А. Косолапов доказал, что противоречия и конфликты – естественный компонент любой системы: их присутствие говорит, скорее, о наличии общей системы, в то время как «бесконфликтные отношения» свидетельствуют об ее отсутствии (Косолапов, 1996).

В-пятых, этнополитическая система должна получать институциональное оформление. Простое влияние одного из участников этнического взаимодействия на государственность другого народа еще не означает наличия системы. Необходимо, чтобы государства были вписаны в единые этнополитические процессы, непосредственно влияя на внешнюю политику друг друга.

Этнополитическая система на межгосударственном уровне представляет собой, таким образом, взаимоотношение двух и более этносов, которое приобретает

новое качество, выраженное через создание общей политической системы. Специфика этнополитической системы заключается именно в том, что она описывает предмет межэтнического взаимодействия, выводя его на межгосударственный уровень.

Русско-германская система как категория анализа

История знает примеры, когда два государства возникали из распада единой этнополитической системы. Именно так произошло, например, с Англией и Францией. После нормандского завоевания 1066 г. оба королевства составляли единую политическую систему. Король Англии был вассалом короля Франции как герцог или граф Нормандии, Анжу, а затем и Аквитании (Гиени); английская знать говорила на старофранцузском языке, в то время как староанглийский язык считался языком простолюдинов. Английское королевство было более широким объединением, чем Англия: оно было Англией вместе с юго-западной Францией, где у власти находилась южнофранцузская знать. В XIII в. по итогам Альбигойской войны южнофранцузская знать бежала на Британские острова, принеся сюда средневековую аквитанскую культуру, которая во многом легла в основу английской культуры. Три века короли Англии и Франции пытались через войны и дипломатические маневры создать единое государство вроде «Анжуйской империи» или «Англо-французского королевства» Ланкастеров. Только к концу XV в., то есть по итогам Войны алой и белой розы (1455–1485), они разошлись на собственно Англию и Францию.

В менее яркой форме похожая система существовала и в русско-германских отношениях XVIII – начале XX веков. Политика Петра I (1682–1725) привела

к возникновению русско-германской системы, которой были присущи были характерны все пять выделенных нами критерия этнополитической системы.

1. *Наличие этно-территориального моста.* Основу системы составляли остзейские (балтийские) немцы – особый народ, оказавшийся в составе Российской империи (Немцы в России, 2004). Северная Прибалтика как регион остзейских немцев с добавлением к ней Ингерманландии (включая Санкт-Петербург) стали геополитической основой русско-немецкой системы, смыкавшейся на юге с Восточной Пруссией.
2. *Изменение качества государственности.* «Петровская революция» изменила этнический состав русской элиты: от глубокой германизации династии Романовых до большого представительства остзейских немцев в государственном аппарате. Германизации подверглись как система государственных и военных должностей России по «Табелю о рангах» 1722 года, так и Русская православная церковь, реформированная отчасти по образцу лютеранских церквей в Швеции, Саксонии и Пруссии (Крашенинникова, 2015).
3. *Формирование новых народов.* Прежде всего, русско-германская система создала крупную (хотя и дискретную) народность «российских немцев». Часть из немецких колонистов Причерноморья, Кавказа, Волыни, Черноземья не сохранили своей идентичности, включившись позднее в состав русского и украинского народов. Поволжские немцы сохранились в качестве особого народа, фактически превратившись

в существующих в настоящее время в казахстанских, алтайских и сибирских немцев. В состав «сибирских немцев» включились и депортированные этнические группы остзейцев, немцев Черноземья и юга России. Возникновение латышей, эстонцев, и, отчасти, финнов как самостоятельных народов стало также результатом существования русско-германской системы.

4. *Интенсивное этнополитическое взаимодействие.* Речь идет не только о династических и культурных связях элит и среднего класса обоих народов. В исторической литературе приведены многочисленные жалобы русского общества на «немецкое засилье», а немецкого – на «русское засилье». Однако такие взаимные жалобы – скорее, доказательства наличия единой системы, чем ее отсутствия (для сравнения: несмотря на интенсивные контакты, никто в России не жаловался на «английское засилье», равно как и в Великобритании не наблюдалось жалоб на «русское засилье»).
5. *Институциональные оформления.* Русско-немецкая система получала их через участие России в системе внутригерманских отношений и альянсов. Российские противоречия с Австрией и Пруссией существовали, но происходили на фоне тесного династического переплетения дома Романовых с различными немецкими монархиями, а русской аристократии – с немецкими дворянскими родами.

Двойственность русско-немецкой системы заключалась в том, что Россия и Германия не были в составе одного государства (справедливости ради отметим, что Англия и Франция тоже не были единым государством в период существования англо-французской системы, находясь в сложных вассально-ленных отношениях). Однако и сама Германия не существовала в качестве единого субъекта до 1871 г., а во многом до 1919 г., учитывая конфедеративный характер Германской империи, где сохранялись государственные образования, имевшие даже свое международное представительство и институт подданства. Германизированная элита России выступала участником внутринемецких отношений, что институционально оформляло эту систему.

Русско-германские отношения как этнополитическая система пока не стала предметом специального исследования (еще раз подчеркнем: предмет нашего анализа составляют не русско-германские отношения вообще, а та их часть, которая относится к русско-германской этнополитической системе). Фактический материал по данной проблеме проработан в четырех пластах научных исследований: 1) общие работы по проблемам истории Германии, где рассматривается фактура по проблемам русско-немецких отношений³; 2) исторические работы о русско-немецких отношениях, чаще всего сфокусированные на каких-то отдельных аспектах этого взаимодействия (Шарф, 2015; Айрапетов, 2017; *Russland an der Ostsee*, 2012; Немцы в России, 2004; Хавкин, 2014); 3) литература о российских немцах, изучающая их этнополитическую историю (Гаврилов,

³ История Германии: учебное пособие: в 3 т. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008; Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб., 2012; Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс. М., 2017; *West-östliche Spiegelungen*. Hrg. von L. Kopelew. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht; *Westöstliche Spiegelungen*. Hrg. von L. Kopelew. Reihe B.: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München, 1985-1998.

2011; Кабузан, 2003); 4) наблюдения историков и философов, где, несмотря на идеологические штампы, можно вычленил важные замечания об эволюции русско-немецких отношений (Россия и Германия в системе..., 2012; Scherbakowa, 2020).

Для нашей темы важнее иное. И в советской, и в европейской историографии преобладал нарратив, где понятие «Германия» было отождествлено с прусским проектом и прусской субъектностью (Тейлор, 1958). Однако «Германский мир», как показали ряд историков, и до 1870 г. был единой системой, устроенной по конфедеративному принципу (Gagliardo, 1980; Kann, 1974). В известном смысле «Германия» была всегда раздробленной и всегда единой: просто центр «Германского мира» находился в Вене как императорской резиденции. Американские исследователи Дэвид Блэкборн и Джефф Эли (Blackbourn & Geoff, 1984) указали, что историю Пруссии не следует отождествлять с историей Германии – это конструкт немецких историков Генриха фон Трейчке (1834–1896) и Теодора Моммзена (1817–1903) и Генрих фон Зибель (1817–1895). На протяжении первой половины XIX в. между собой конкурировали несколько проектов реформирования «Германской системы» – создание «Рейнского государства» (проект баварских Виттельсбахов), Гессена и Вюртемберга), единой создание империи под властью австрийской короны (проект великогерманцев), создание германского государства с опорой на Пруссию (проект малогерманцев), и т.д. Немецкий историк Томас Ниппердей делает более жесткий вывод: до Революции 1848 г. центром «Германского мира» был Венский, а не Берлинский двор: под условными «интересами Германии» (если использовать этот термин) следует понимать, скорее, интересы Габсбургов, а не Гогенцоллернов (Nipperdey, 1996).

Эти дискуссии позволяют сформулировать относительно новый исследовательский вопрос: «Была ли Российская империя только внешним игроком по отношению к «Германскому миру» или же она была включена в его внутреннюю систему, занимая в нем место одного из ключевых элементов?». В дальнейшем автор попытается ответить на него, показав эволюцию русско-германской этнополитической системы.

Предпосылки системы

Предпосылки для появления русско-германской системы появились в XIII в. – в период крестовых походов в Восточную и Южную Прибалтику. По их итогам сложилось немецкое государственное образование – Тевтонский орден, которому принадлежало отдельное Ливонское ландмейстерство (иногда ошибочное называемое Ливонским орденом) на территории современных Латвии и Эстонии. В XV в. их пути разошлись: Тевтонский орден в 1466 г. признал себя вассалом польской короны, а Ливонское ландмейстерство в 1434 г. было преобразовано в Ливонскую конфедерацию со столицей в Риге, затем Вендене (совр. Цесис, Латвия). В ее состав вошли собственно Ливонское ландмейстерство, Рижское архиепископство, епископства Дерптское, Эзель-Викское, Ревельское, Курляндское, а также ливонские города как автономные субъекты.

Появление Пруссии и Ливонии не следует рассматривать как часть экспансии Германии, поскольку в то время «Германии» как особого субъекта не существовало. В Центральной Европе была Священная Римская империя – своеобразная конфедерация государств во главе с выборными римскими императорами. Последние, потеряв Рим, постепенно осели в Вене,

основав свой земельный домен на базе современных Австрии, Чехии и Словакии. Тевтонский орден (а, следовательно, и его Ливонское ландмейстерство) был подчинен не императору, а Святому престолу, затем – польской короне.

Немецкое завоевание Восточной Прибалтики создало здесь особый народ остзейских (балтийских) немцев. Это были потомки крестоносцев и германских колонистов, заселивших Восточную Прибалтику в XIII–XV веках (Андреева, 2001). Наследники крестоносцев стали дворянством, в подчинении которых на правах зависимых крестьян и батраков находилось сельское население – литы и эсты, т.е. предки латышей и эстонцев. Население городов Ливонии, включая Ригу, Ревель (Таллин) Дерпт (Тарту), было почти полностью немецким. Ливония была немецким, а не латышским или эстонским государством⁴, состоящим из трех частей – Эстляндии, Лифляндии и Курляндии.

Русское государство соприкоснулось с «германским миром» через Ливонию. Новгород и Псков вели через Ливонию торговлю с Ганзейским союзом, правда, на неравноправной основе: товары вывозились на ганзейских судах. После событий 1478 г. немецкие купцы и ремесленники переселились в Москву, где расселились преимущественно за чертой города (так называемая Немецкая слобода). Но по итогам Русско-ливонской войны (1480–1481) Дерптское архиепископство обязалось выплачивать дань Русскому государству (т.н. «Юрьеву дань»), что означало его введение в систему Ливонской конфедерации.

Во второй половине XVI в. Русское государство попыталось подчинить себе территорию Ливонской конфедерации (Филюшкин, 2008). Это стремление вы-

звало Ливонскую войну (1558–1583 гг.) Русского царства со Швецией и Литвой, затем с 1569 г. – с Речью Посполитой – объединенным польско-литовским государством. В ходе войны русский царь Иван IV Грозный (1533–1584) реализовал в 1570 г. оригинальный проект: создание в Ливонии государства, возглавляемого датским принцем герцогом Магнусом в качестве вассала русского царя (Селарт, 2013). Правда, герцог Магнус оказался ненадежным партнером для Русского государства: в 1578 г. он начал тайные переговоры с польским королем Стефаном Баторием, в результате которых передал права на трон роду Батори. И все же это был первый русский политический проект в «германском мире», пусть и на его окраине.

Ливонская война поставила для Русского царства вопрос: как повлияет на его идентичность и культуру присоединение густонаселенных лютеранских территорий? Сохранить статус сугубо православного царства («хранителя православия») при таком количестве русских лютеран Россия в этом случае не могла. *Возникла проблема преобразования Русского царства в иное государство, где Ливония занимала бы важные позиции как его торговые и европейские ворота. Иначе говоря, объективно Русское царство перерастало бы в империю, что требовало перестройки всей ее системы.*

Рождение системы

Европеизация, осуществленная Петром I, ввела Россию в «германский мир». Сегодня мы помним в основном внешние аспекты петровской «германизации» России: строительство

⁴ Lippe und Livland. Mittelalterliche Herrschaftsbildung im Zeichen der Rose. Verlag für Regionalgeschichte: Jutta Prieur (Hrsg.): Gütersloh. S. 147–168.

Санкт-Петербурга, приглашение немецких военных и гражданских специалистов, появление немецких жителей в новой столице, основание Академии наук с преобладанием в ней немецких ученых. Специалисты вспомнят введение Табели о рангах с немецкими должностями, основание системы коллегий (прообраза министерств), а также создание Святейшего Синода – преобразование Русской православной церкви отчасти по лютеранскому образцу (Анисимов, 1989). *Однако при этом нередко остается в стороне важный аспект «Петровской революции» — получение Россией своей системной роли в «германском мире».*

Первым шагом в этом направлении стала установленная Петром I система брачных союзов (Молчанов, 1986). Герцог Мекленбургский взял в жены племянницу русского царя Екатерину Иоанновну, герцог Курляндский – другую его племянницу Анну Иоанновну, герцог Голштинии – старшую дочь Петра I Анну Петровну. В совокупности эти союзы давали России контроль над проходом между Балтийским и Северным морями. Одновременно они вводили Российский императорский дом в систему внутригерманских отношений: его представители становились родственниками правителей Священной Римской империи.

Вторым шагом стал Ништадтский мир со Швецией 1721 г. Российская империя присоединила к себе Эстляндию и Лифляндию. Петр I даровал жалованные грамоты лифляндскому и эстляндскому дворянству, а также городам – Ревелю и Риге (Лесмент, 1963). После окончания войны Петр I подписал также указ об «Остзейском особом порядке» (Ostsee Landesstaat). В составе Российской империи остзейские губернии обладали особым статусом. В основе

управления ими лежало местное законодательство («Свод местных узаконений губерний Остзейских») по которому внутреннее управление краем осуществлялось органами дворянства наряду с правительственными учреждениями. Лифляндией и Эстляндией управляли генерал-губернаторы, которые были вынуждены строить свою служебную деятельность так, чтобы не нарушать привилегий остзейского дворянства. Рыцарские семьи управляли краем через собственные губернские парламенты – ландтаги. В городах власть осуществляли магистраты, работавшие на тех же основаниях, что и в Священной Римской империи. В 1795 г. в состав России было включено также Курляндское герцогство, на которое также был распространен «особый порядок».

Остзейская аристократия влилась в ряды русского дворянства, а население прибалтийских городов получило российское подданство (Андреева, 2002). И сама Россия, присоединив к себе северо-восточную Прибалтику, получала как бы «внутреннюю Германию» с особыми правами и даже особой таможенной системой на своей территории. Заселение остзейскими немцами Санкт-Петербурга завершало создание «русской Германии» – Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии (с Санкт-Петербургом). Возникал как бы двойной мост между Россией и «германским миром»: русифицированное немецкое население Санкт-Петербурга и Ингерманландии и остзейские немцы прибалтийских губерний, сохранившие свой язык и традиции. Поскольку в Россию ехали немецкие лютеране, а не католики, то сам Император Всероссийский становился как бы императором для немецких лютеран в противовес Габсбургам – императорам немецких католиков⁵.

⁵ Официально такой титул российские императоры, конечно, не носили. Но немецкая иммиграция в Россию (прежде всего – в Санкт-Петербург) делала его как бы своим городом для немцев, а службу при русском дворе – желанной и почетной карьерой.

Третьим шагом стал заключенный при Екатерине I русско-австрийский союзный договор 1726 г. (Венский трактат). Его условия предполагали вечную дружбу двух стран и совместные усилия по поддержанию мира в Европе. Россия присоединилась к испано-австрийскому союзу 1725 г. Секретный артикул Венского трактата предусматривал оказание Австрией военной помощи России в случае нападения Османской империи и совместное противодействие турецким планам в отношении обеих стран и Персии. Австро-русский союз просуществовал с различными вариациями на протяжении следующих 150 лет, став основой российской политики в Европе.

Подъем системы

Следующие сто лет стали периодом быстрого укрепления русско-германской системы. В этот период происходили два параллельных друг другу процесса.

«Германизация» династии Романовых. Решающий поворот к германизации Романовых был сделан около 1740 г., когда решался вопрос о престолонаследии Анны Иоанновны (1730–1740). Она завещала трон представителю Брауншвейгской династии – ее не царствовавшему императору Иоанну VI (1740–1741 гг.). Императрица Елизавета Петровна (1741–1761) – дочь Петра I и Екатерины I – свергла эту династию и передала трон Гольштейн-Готторпской династии, происходящей от Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского и его супруги великой княжны Анны Петровны, дочери Петра I. Их сын император Петр III (1762) объединился с династией Ангальт-Цербской в лице своей супруги Софьи Августы Фредерики Ангальт-Цербской (императрица Екатерина II, 1762–1796). Фактически к 1762 г. завершился переход Российской империи под управление Гольштейн-Готторпов как

младшего ответвления старой династии Романовых. Таким образом, по генеалогическим правилам российский императорский дом стал именоваться Гольштейн-Готторп-Романовский.

Главным «интегратором» Романовых в «германский мир» стал Ольденбургский дом (Россия и Германия в системе..., 2012). Эта немецкая династия, связанная с Данией с XV века, имела родственные связи с монархами Дании, Исландии, Греции, Норвегии, России, Швеции, Соединенного Королевства, Шлезвига, Гольштейна и Ольденбурга. Русские монархи вошли в его состав через императора Петра III как сына Карла Фридриха, герцога Гольштейн-Готторпского.

В 1776 г. прусский король Фридрих II (1740–1786) организовал брак принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской (будущей императрицы Марии Федоровны, 1759–1828 гг.) с наследником русского престола Павлом Петровичем. Окончательно родство Гольштейн-Готторпов и Гогенцоллернов было установлено через брак цесаревича Николая (будущего императора Николая I) с принцессой Фридерикой Луизой Шарлоттой Вильгельминой Прусской (буд. императрица Александра Федоровна, 1798–1860 гг.). Это придавало особый характер отношений берлинского и петербургского дворов, расширяя возможность их взаимодействия в обход формально союзного России венского кабинета.

При императоре Павле I (1796–1801) дом Гольштейн-Готторп-Романовых стал создавать боковые ответвления в «германском мире». Его старший сын и наследник великий князь Александр Павлович (будущий император Александр I, 1801–1825 гг.) женился на принцессе Луизе Марии Августе Баденской (1779–1826), получившей в крещении имя Елизаветы Алексеевны. Последняя, будучи дочерью маркграфа Карла Людвига Баденского и Амалии, урожденной принцессы Гессен-

Дармштадтской, создавала родственные связи Русского императорского дома с Гессенским. Одна дочь Павла I, великая княжна Елена Павловна стала супругой наследного принца Фридриха Людвига Мекленбург-Шверинского; другая его дочь великая княжна Мария Павловна стала супругой Великого герцога Карла Фридриха Саксан-Веймар-Эйзенахского; третья дочь великая княжна Екатерина Павловна стала супругой герцога Петра Ольденбургского.

В совокупности это создавало систему родственных связей Гольштейн-Готторп-Романовых с Гогенцоллернами, Ольденбургами, Баденскими, Гессенскими, Вейсарскими, что само по себе вводило петербургский двор в систему внутри-германских отношений. Россия становилась для немцев своеобразной «империей Гольштейн-Готторпов» (Тарле, 1992) как ответвления дома Ольденбургов.

«Германизация» в Российской империи. Трансформации Российского императорского дома соответствовала германизация российской элиты. Многие представители остзейского дворянства сразу после присоединения Лифляндии и Эстляндии к России начали службу при императорском дворе.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) сделал остзейских немцев своеобразной элитной группой Российской империи (Гаврилов, 2011). Именно фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха (1682–1767), вице-канцлера Генриха Иоганна Фридриха Остермана (1686–1747), герцога Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772), обер-гофмаршала Рейнгольда Густава Левенвольде (1693–1758) и его брата дипломата Карла Густава Левенвольде (?–1735) остались символами правления Анны Иоанновны (Анисимов, 2004).

Из среды немцев (Немцы в России, 2004) вышли во второй половине XVIII в. основатели военных династий Рейнгольд Густав (Евстафий Евстафьевич) фон Штаден (1774–1845), Фридрих Александр (Федор Васильевич) фон Ридигер (1783–1856), Георг Людвиг (Егор Максимович) фон Пиллар (1767–1830), Иван Васильевич (Готтгард Иоганн) Мантейфель (1771–1813), Андрей Иванович (Генрих Иоганн) Врангель (1736–1813). Четверо остзейцев были удостоены чина фельдмаршала – Михаил Богданович (Михаэль Андреас) Барклай де Толли (1761–1818), Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберт) Берг (1794–1874), Фабиан Вильгельмович (Фабиан Готлиб) Остен-Сакен (Сакен фон дер Остен) (1752–1827), Иван Карлович (Иоган-Мартын) фон Эльмпт (1725–1802); остзейцем был военный министр Александр Федорович Ридигер (1905–1909). Среди этнических немцев звания фельдмаршалов удостоились также Якоб Брюс (1670–1735), Бурхард Кристоф фон Миних (1682–1767), Петер фон Ласси (1678–1751), принц Людвиг Груно фон Гессен-Гамбург (1705–1745), Петр Август Фридрих герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Бек (1697–1775), принц Георг Людвиг Гольштейн-Готторп (1719–1763), Людвиг Адольф Питер 1 принц Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург-Берлебург (1769–1843), Карл Фридрих Антон граф фон Дибич унд Нартен (1785–1831).

«Сперанский создал, как известно, свою административную систему с наполеоновских образцов. Чтобы привести ее в действие, чтобы впрячь в оглобли даровитую, но беспорядочную русскую натуру, понадобились немцы, много немцев. Недаром два русских бюрократических царствования – Николая I и Александра II – были эпохой балтийского засилья», – писал русский философ Г.П. Федотов⁶. С начала

⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/8 (дата обращения 12.01.2025)

XIX в. немцы четырежды занимали в Российской империи пост премьер-министра: Михаил Христофорович Рейтерн (1881–1886), Николай Христианович Бунге (1887–1895), Сергей Юльевич Витте (1903–1905), Борис Владимирович Штюрмер (1916). Среди министров иностранных дел немецкого происхождения прославились Карл Васильевич Нессельроде (1826–1856), Николай Карлович фон Гирс (1882–1895), Владимир Николаевич Ламздорф (1900–1906).

Из 18 министров финансов России с 1802 г. немцами были Петр Федорович Брок (1852–1858), Михаил Христофорович Рейтерн (1862–1878), Самуил Алексеевич Грейг (1878–1880), Николай Христофорович Бунге (1881–1885), Сергей Юльевич Витте (1892–1903), Э.Д. Плеске (1904–1904), П.А. Барк (1914–1917). Монетный двор возглавляли Е.И. Эйлерс (1803–1843) и Н.П. Воллендорф (1882–1902,) ведомство по горным и соляным разработкам Ф.Ф. Бегер (1843–1849) и А.Р. Гернгромм (1855–1862); ведомство по налогам К.К. Грот (1861–1863), А.А. Рихтер (1862–1887), Н.Н. Кутлер (1899–1904). Всего к началу XX века на государственной и военной службе в России состояло около 35 000 немцев.

В 1725 г. в Санкт-Петербурге была открыта Академия наук, первым президентом которой стал немец Роберт Лоуренс Блюментрост – личный секретарь и лейб-медик Петра I. За весь дореволюционный период существования Академии из двенадцати ее президентов шестеро были немцами: Лаврентий Блюментрост, Герман Карл фон Кейзерлинг, Иоганн Альбрехт фон Корф, Карл Герман фон

Бреверн, Андрей Львович фон Николаи, Федор Петрович Литке. Среди известных ученых-немцев в России можно вспомнить ботаника Данэля Готтлиба Мессершмидта, математика Леонарда Эйлера, физиков Бориса Семеновича (Морица Германа) Якоба и Карла Эрнста Риттера фон Бэра, естествоиспытателя Иоганна Георга Гмелина, естествоиспытателя и путешественника Петра Симона Палласа, полярника Эдуарда Васильевича (Эдварда Густава фон) Толля.

Немецкая колонизация в России делилась на два типа. Первая: колонизация религиозными общинами (прежде всего – лютеранской или меннонитской), которая вела к сохранению немецкой культуры и идентичности в своих поселениях. Вторая: принятие немецкими подданными или их детьми православия с их последующей интеграцией в русское общество, в том числе – за счет смешанных браков⁷. Манифесты Екатерины II 1762 и 1763 гг. позволили направить первую волну колонистов из Рейнланда, Гессена и Пфальца в район Поволжья. Указ Александра I от 1804 г. направил в Причерноморье и Кавказ поток колонистов из Швабии, Баварии, Мекленбурга, Эльзаса, Швейцарии, частично Западной Пруссии. Третья колонизационная волна немцев шла в середине XIX в. на Волынь и в Черноземье. По итогам немецкой колонизации в империи сложились компактные очаги (История немцев России, 2020) проживания немцев:

- остзейские (балтийские) немцы, разделившиеся на три крупные общины: 1) немецкое население Прибалтики, имевшее собственное самоуправление; 2) петербургские

⁷ С правовой точки зрения, немецкие сельские колонисты относились к группе государственных крестьян, называемых «казенными». Казенные крестьяне обрабатывали землю, которая принадлежала царской казне. Они не должны были иметь крепостных и жили общиной. В русских общинах происходил регулярный передел земли по числу душ мужского пола. Колонисты же получали землю с правом наследования и относились к царскому двору. В отличие от казенных крестьян колонисты имели другое самоуправление, налогообложение и право наследования (минорат).

- остзейцы, интернировавшиеся в высший слой чиновничества и аристократии Российской империи (Чеснокова, 2001); 3) обрусевшие чиновники и офицеры русской провинции;
- шведско-немецкая община Выборга и Санкт-Петербурга, которую публицисты зачастую некорректно путают с остзейскими немцами;
 - волынские немцы, проживавших в Волынской губернии (совр. Западная Украина);
 - малороссийские немцы: городские немецкие общины в Киеве и Чернигове;
 - южнорусские или черноморские немцы: немецкие поселения в Херсонской, Таврийской, Киевской, Харьковской и Черниговской губерниях;
 - бессарабские немцы, проживавшие на территории исторической области Бессарабия, преимущественно в южной части (в пределах совр. Молдавии и Украины);
 - крымские немцы – этнические немцы, проживавшие с начала XIX в. в бывшей Таврической губернии;
 - кавказские немцы, поселившиеся в первый половине XIX в. на Северном Кавказе, в Грузии, Азербайджане, Армении и регионе Карс (современная северо-восточная Турция).
 - воронежские немцы: общины Центрального Черноземья, проживавшие в городе Воронеж и поселениях современных Воронежской и Липецкой областей;
 - донские немцы: колонисты, проживавшие на территории Всевеликого Войска Донского;
 - поволжские немцы: группа российских немцев, поселившихся со времен Екатерины II на территории

совр. Саратовской и Волгоградской областей.

- сибирские немцы – поток немецких колонистов, начавшихся с 1860-х гг. в сибирские губернии (прежде всего – совр. Омскую и Томскую области, а также Алтайский край).

На 1913 г. в Российской империи проживало около 2,5 млн этнических немцев, причем в эту статистику не входили обрусевшие немцы и их потомки. Внутри России возникли новые немецкие этнические группы (народности), совмещавшие в себе традиции как русской, так и немецкой культуры, что создавало демографический мост между Российском империей и «Германской системой».

Российская роль в «германском мире». Изначально системной ролью России был заключенный в 1726 г. военный союз со Священной Римской империей. Венский двор вводил Россию в европейскую политику на правах своего «военного резерва» против главного противника – Франции и ее союзников потока называемому «восточному барьеру» (Швеции, Османской империи, а временами и уже ослабшей Речи Посполитой). В свою очередь Габсбурги выступали как традиционные союзники России в войнах с Османской империей XVIII века.

Ситуацию не изменила Семилетняя война (1756–1763). В отечественной историографии за ней задним числом закрепились репутация первой русско-немецкой войны, что неверно: Россия воевала с Пруссией в союзе со Священной Римской империей и Саксонией, то есть в составе немецкой коалиции. Цель войны заключалась в предотвращении излишнего (с точки зрения союзников) усиления Пруссии, то есть сохранении сложившегося статус-кво в Священной Римской империи. В этом отношении Россия выступала как

военная опора Габсбургов для удержания их позиций в «германском мире». Однако по итогам войны Священная Римская империя времени перешла в разряд младших партнеров Франции, заняв враждебную позицию к России.

В историографии концепцию «Северного аккорда» (партнерство Санкт-Петербурга с Пруссией, Швецией, Данией и Великобританией) традиционно принято рассматривать как дипломатическое обеспечение войн России с Османской империей. Одновременно она была своеобразной «отвязкой» России от роли вспомогательной силы Империи. В 1764 г. Россия заключила союзную конвенцию с Пруссией: в 1773 г. Россия заключила с Данией Царскосельский трактат, по условиям которого Павел Петрович как наследник российского престола отказывался в пользу Дании вообще от всех прав в Шлезвиг-Гольштейне в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст в Северо-Западной Германии (Возгрин, 2008). Последние в 1777 г. получил в подарок Фридрих Август I Ольденбургский – родной дядя Екатерины II.

В 1793 г. Екатерина II после смерти своего брата Фридриха-Августа получила в наследство город Йевер (Нижняя Саксония). Несмотря на отдаленность новых владений, императрица не отказалась от владения городом — он вошел в состав империи, а внутренними делами ведала вдова скончавшегося немецкого князя. Однако в 1818 г. Александр I даровал Йевер герцогу Ольденбургскому.

Усилившаяся Россия в ходе Войны за баварское наследство 1778 г. начинает претендовать на роль балансира между Священной Римской империей

и руссией. Возобновление австро-русского союза в 1781 г. приводят к охлаждению с Пруссией: в ходе Русско-турецкой войны (1787–1791) берлинский двор блокируется с Великобританией на антирусской основе. Впрочем, все эти противоречия с Веней и Берлином не приводят ни к австро-русской, ни к русско-прусской войне: они остаются, если использовать терминологию российского политолога А.Д. Богатурова, «противоречиями в рамках консенсуса». Уже в 1790-х гг. три монархии осуществили раздел Речи Посполитой, установив свою гегемонию в Восточной Европе. Россия по итогам разделов Речи Посполитой получила территорию Великого княжества Литовского и Курляндию, Пруссия – основные польские земли, Габсбурги – Галицию. Ликвидация польской государственности означала, что отныне между тремя державами устанавливалась общая сухопутная граница.

Брачная дипломатия Павла I обеспечила России новую роль в «германской системе»: она становится центром защиты ряда монархов среднего уровня. Ольденбург, Баден, Веймар, Мекленбург и отчасти Гессен начали видеть в Петербурге защитника как от наступавшей революционной Франции, так и от усиления Пруссии. Обе эти роли – балансира и покровителя ряда родственных германских монархов – Россия реализует в ходе Наполеоновских войн (1800–1815) (Искуполь, 2007). Не только политика континентальной блокады Великобритании, но и стремление Наполеона лишить Россию ее системной роли в «германском мире» (т.е. ликвидировать итоги «Петровской революции») делали франко-русский конфликт неизбежным⁸.

⁸ В художественной форме этот момент хорошо зафиксирован в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Наполеон на приеме говорит русскому специальному посланцу Балашову о политике Александра I: «Нет, он нашел лучшим окружить себя моими врагами, и кем же? -- продолжал он. -- Он призвал к себе Штейнов, Армфельдов, Винцингероде, Бенингенов, Штейн -- прогнанный из своего отечества изменник, Армфельд -- развратник и интриган,

Наполеоновская перекройка вела к радикальной подвижке карты Центральной Европы. Еще в 1806 г. после поражения в Войне третьей коалиции с наполеоновской Францией император Франц II ликвидировал Священную Римскую империю, владения императора преобразуются в новое, только наполовину немецкое государство – Австрию. Из западных германских государств Наполеон создал Рейнский союз под своим протекторатом. Пруссия как бы выдавливалась из «германской системы», становясь восточноевропейским полуславянским государством. В ходе Отечественной войны 1812 г. Наполеон делает попытку развернуть эту систему против России. Попытка, правда, оказалась неудачной: уже в следующем 1813 г. на сторону России переходят и Пруссия, и Австрия, что в конечном итоге завершается распадом «наполеоновской системы». Россия выступила в роли последнего резерва «германской системы» (Тарле, 1992): той критической массы, которая может сохранить его конфедеративную и «австроцентричную» структуру.

Зенит системы

Период от Наполеоновских войн до Крымской войны стал вершиной русско-германской системы: Российская империя заняла ведущее положение в германских государствах (Jarrett, 2013). Победители над Наполеоном вместо упраздненной Священной Римской империи создали на Венском конгрессе Германский союз, включивший 35 монархий и четыре вольных города под главенством (но не в подчинении) императора Австрии.

Для управления Союзом был создан специальный Союзный сейм во Франкфурте-на-Майне, на заседаниях которого ведущая роль принадлежала австрийскому представителю.

Россия подключилась к этой системе как инициатор и создатель Священного союза – союзной декларации 1815 г. трех монархов Австрии, Пруссии и России. Документ не был прямым военно-политическим союзом, но включал в себя три положения: указание на возможность взаимной помощи, определение общей политической цели как «охранения веры, мира и правды» и выделение ведущей роли трех континентальных монархий. Революция 1830 г. привела к отделению от этой системы Франции и ее сближению с Великобританией как двух конституционных монархий Европы – феномен, который историки задним числом называли «Первой Антантой». Ответом России стало оформление через Мюнхенгретцкую конвенцию 1833 г. альянса трех монархий – Австрии, Пруссии и России – уменьшенного варианта Священного союза.

18-20 сентября 1833 г. в городе Мюнхенгретце (ныне Мнихово-Градиште в Чехии) состоялась встреча российского императора Николая I с императором Австрии Францем I и прусским наследным принцем Фридрихом Вильгельмом. В ходе встречи были подписаны: австро-русская конвенция о совместных действиях по сохранению Османской империи под властью существующей династии в случае повторения египетского кризиса; австро-русская конвенция о взаимной гарантии польских владений каждой из сторон и выдаче политических преступников; договор о

Винцингероде -- беглый подданный Франции, Бенигсен несколько более военный, чем другие, но все-таки неспособный, который ничего не умел сделать в 1807 году и который бы должен возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания». «Я выгоню из Германии всех его родных, Виртембергских, Баденских, Веймарских... да, я выгоню их. Пусть он готовит для них убежище в России!» (Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3–4. Библиотека Всемирной литературы. Т. 114. М.: Издательство художественной литературы, 1968. С. 29, 34)

взаимопомощи Австрии, Пруссии и России на случай «внутренних смут» или внешней опасности (окончательно этот договор был подписан в Берлине 15 октября 1833 г. и потому в литературе иногда называется Берлинским договором).

Мюнхенгреецкие конвенции расширяли правовую основу для вооруженного вмешательства Священного союза во внутренние дела других государств (Фененко, 2020). В ст. 1 Берлинской конвенции указывалось, что «каждый независимый государь имеет право призвать к себе на помощь, во время смут внутренних, а также при внешней для его страны опасности, каждого другого независимого государя, который признан им будет более полезным для оказания ему помощи». В ст. 2. говорилось, что «если бы какая-либо держава пожелала сему воспротивиться силою оружия, то сии три двора считали бы каждое неприязненное действие, предпринятое с этой целью, как бы направленным против каждого из них». *Россия становилась, таким образом, гарантом системы отношений в «германском мире» при определяющей роли Австрии, выступая ее военной опорой.*

Такая система не исключала периодически возникавших всплесков противоречий между Россией, Австрией и Пруссией, в том числе – вокруг «восточного вопроса». Однако в целом (если отбросить нарративные рассуждения о «реакционном» и «прогрессивном») она выступала как средство поддержания стабильности «германской системы» (Menger, 2009). Подкреплением деклараций выступали совместные военные действия трех империй. В 1835 г. вблизи прусской границы русские войска совместно с прусской гвардией провели знаменитые Калишские маневры, уникальные для XIX века (Татищев, 2013). Место для них было выбрано не случайно: 28 февраля 1813 г. в Калише российский

фельдмаршал Кутузов и представитель короля Пруссии Шарнхорст подписали союзный договор России с Пруссией в войне против Наполеона. На маневрах присутствовали императоры Николай I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III, от Австрии – император Франц II, эрцгерцоги Карл и Иоганн, а также австрийский посол в Санкт-Петербурге граф Фикельмонт. В 1837 г. (то есть к 25-летию Бородинской битвы) под руководством Николая I состоялись крупные маневры российской армии в Вознесенске (ныне Николаевская область на Украине) (Кухарук, 2012). Зрителями вознесенских маневров были императрица, наследник, члены императорской семьи, австрийский эрцгерцог Иоганн; прусские принцы Август и Адальберт, принц Фридрих Вюртембергский, герцог Бернгард Веймарский, герцог Лейхтенбергский из Баварии.

Параллельно кабинет Николая I продолжал курс Павла I, создавая для России опоры в «германском мире» с помощью династической дипломатии. Мелкие немецкие государства в свою очередь видели в петербургском дворе противовес венскому. Здесь у России четко появилось три опоры.

1. *Герцогство Ольденбург.* После разгрома Наполеона Венский конгресс принял в 1815 г. решение о восстановлении герцогства и преобразовании его в великое герцогство. При этом к нему было присоединено княжество Биркенфельд в Пфальце на реке Нааз, а княжество Любек со своей столицей Ойтин осталось связанным с Ольденбургом личной унией. В качестве правителя был восстановлен на троне Петр Фридрих Вильгельм, однако реально делами великого герцогства управлял его опекун Петер Фридрих Людвиг (воспитанный при русском дворе

- и участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.), официально взошедший на престол в 1823 г. после смерти Петра Фридриха Вильгельма. Его супругой была Фридерика Вюртембергская: родная сестра императрицы Марии Федоровны. В 1829 г. великий герцог Петр I скончался, и на трон взошел его сын Август I, который до этого в течение 18 лет состоял на русской службе в чине генерал-лейтенанта и генерала от инфантерии. В России тем временем появилось его ответвление – род герцогов Ольденбургских (Анненкова, Голиков, 2004). Это была младшая линия дома Романовых: потомки Петра Фридриха Георга (1784–1812), зятя императора Павла I. Русская ветвь Ольденбургов носила титул принцев Ольденбургских и князей Романовских. В 1845 г. император Николай I пожаловал титул Императорского высочества в отношении Петра Георгиевича Ольденбургского⁹.
2. *Королевство Вюртемберг*. В 1846 г. дочь Николая I великая княжна Ольга Александровна (1822–1892) вышла замуж за наследного принца Карла Вюртембергского. В 1864 г. со вступлением на престол Карла I (1864–1891) она стала королевой-консортом Вюртемберга. Ситуация была тем более интересна, что по матери великая княжна Ольга происходила из прусского королевского дома Гогенцоллернов. Возникала спайка прусских Гогенцоллернов и Вюртембергов через Романовых (Гольштейн-Готторпов).
3. *Гессен*. Еще в 1804 г. будущий великий герцог Людвиг II (1777–1848) женился на Вильгельмине Баденской (1788–1836): сестре императрицы Елизаветы Алексеевны. В 1841 г. цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) женился на дочери Людвиг II – гессенской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии Гессенской и Прирейнской, ставшей затем императрицей Марией Федоровной (1824–1880). Ее брат Александр, младший сын великого герцога, и поступил на службу в российскую императорскую армию.
- Во внутренней политике вторая четверть XIX в. стала пиком влияния остзейских немцев в России. Любители истории сразу вспомнят имена-символы царствования Николая I: министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде (1780–1862), управляющего делами Комитета министров и государственного секретаря Модеста Андреевича Корфа (1800–1876), Главноуправляющего Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Христофоровича Бенкендорфа (1782–1844) и сменившего его на этом посту Леонтия Васильевича Дубельта (1839–1856), морского министра Антона Васильевича Моллера (1764–1848), главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий Петра Андреевича Клейнмихеля (1789–1869) и др.
- Отсюда сам собой возникал экзотический для нашего современника, но логичный времен Николай I вопрос: «А может ли при каких-то условиях Россия стать

⁹ В 1878 г. принц Петра Александр Петрович Ольденбургский и его супруга княгиня Евгения Максимилиановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская (по мужу – принцесса Ольденбургская) купили имение в поселке Рамонь Воронежской губернии. В 1883–1887 гг. по проекту архитектора Христофора Нейслера для супругов был возведен макет средневекового замка, сохранившийся до нашего времени..

объединителем Германии?». В самом деле, император Всероссийский, родственник Гогенцоллернов, Ольденбургов, Гессенских и Вюртембергских, был органично вписан в «Германскую систему». Здесь нельзя не вспомнить об интересном фактическом материале, приведенном В.А. Цымбурским: «Уже в 1790-х гг. последний екатерининский фаворит П.А. Зубов предлагает проект Российской империи с Берлином и Веной как западными столицами. В начале 1830-х гг. величайший русский святой Серафим Саровский прорицает о близящемся разделе и умалении Австрии при поглощении немалой части ее земель Россией» (Цымбурский, 1997).

На уровне теоретической и практической политики эту идею реализовывал Ф.И. Тютчев (1803–1873). В 1843 г. он встретился с начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфом.

Итогом встречи стала поддержка императором Николаем I инициатив Тютчева в работе по созданию позитивного облика России на Западе. Тютчеву удалось установить контакт с немецким историком Якобом Фальмерайером (1790–1861): в беседах с ним русский дипломат утверждал, что Россия, включив в себя Восточную Европу, станет *принципиально иным* государством (Цымбурский, 1995). «Мы только хотим существовать», – говорил об этом поэт и дипломат. Сам Я. Фальмерайер также не был против проекта русско-германского объединения при условии глубокой германизации самой России¹⁰. «Проект Тютчева» заключался в преобразовании Восточной Европы в принципиально новую империю за счет слияния России, Австрии и Пруссии в единое целое. В стихотворении 1848 г. «Русская география» Тютчев писал о грядущей России, намечая ее границы:

*«Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек».*

Западная граница империи по Эльбе и Дунаю предполагала объединение России с Пруссией в противовес Западной Германии, где ведущую роль играли проанглийские баварские Виттельсбахи. Фактически речь шла об объединенной «империи Ольденбургов» со столицей в Петербурге и простиравшейся до Рейна, которую и Россия, и преобладавшая в ней германизированная элита могла считать своей. Такая идея обсуждалась в неофициальном порядке при дворах Вюртемберга и Гессена: их монархи видели в ней противовес опасному

(в их логике) преобладанию Пруссии (Лэйн, 1988). Речь не шла о поглощении Россией германских государств: скорее о системе, в которой российский император получил бы, например, титул «протектора Германского союза».

Однако русский кабинет не попытался реализовать этот проект. Основой ее внешнеполитической программы был легитимизм, то есть поддержание статус-кво, сложившегося в Европе (прежде всего в «Германской системе») по итогам Наполеоновских войн.

¹⁰ Jakob Philipp Fallmerayer: Wissenschaftler, Politiker, Schriftsteller. Innsbruck, 1993. S. 133–134.

Кризис системы

Вызов русско-германской системе бросил в 1840-х гг. растущий немецкий национализм. В германских государствах с начала XIX в. шла дискуссия о том, что такое «немецкий народ» и где проходят его границы. Однако большинство исследователей сходятся в том, что Пруссия перехватила у Виттельсбахов роль лидера в построении общегерманской идентичности. Эта партия «малогерманцев» (сторонников объединения Германии под эгидой Пруссии) находилась в оппозиции к «великогерманцам» – сторонникам объединения под скипетром австрийского императора, то есть воссоздания Священной Римской империи. В данном варианте в состав немецкой нации входили и южные немцы – вплоть до современной Словении и Трансильвании, германизированные чехи, словенцы и секлеры. Одновременно вставал вопрос о будущем остзейцев и других немецких групп России.

Немецкий романтизм был изначально ближе к радикально-демократической теории единого народа, чем к консервативной теории опоры на «старый порядок». Он предполагал ликвидацию многочисленных государственных образований внутри «германского мира», что означало и свержение существующих династий. Для немецкого общества рано или поздно возникал бы вопрос о том, что такое сама Россия со столицей в Санкт-Петербурге, управляемая немецкой элитой. Популярное после выхода работ Иоганна Густава Дройзена (1808–1884) сравнение России с эллинистическими империями древности, где греки управляли восточными народами, позволяло понять вектор трансформации той системной роли, которую играла Россия в «германском мире»: из претендента на гегемона в потенциальный объект экспансии.

В 1840-х гг. на первый план в России выходят движения западников и славянофилов. Со школьных учебников мы усвоили тезис о якобы их непримиримой борьбе друг с другом. На самом деле оба эти течения были в скрытой оппозиции к Русской монархии, и вполне сходились друг с другом по ряду важных вопросов.

Так называемые западники со времен П.Я. Чаадаева (1794–1856) и П.А. Вяземского (1792–1878) призывали Россию брать пример не с Европы вообще, а с западноевропейских стран – Великобритании и Франции. Именно они воспринимались русскими западниками как воплощение прогрессивного либерализма и в экономике, и в политике, и в культуре. Примечательно, что почти ни один западник не призывал ориентироваться на германские государства: никто не говорил о том, что Австрия, Пруссия, Гессен или Бавария должны стать идеалом для России. Иначе говоря, «германский мир» был в их понимании какой-то «неправильной Европой», от которой нужно было дистанцироваться. В контексте российской политики такие построения западников имели революционное значение: ведь Российская империя управлялась германизированной династией Гольштейн-Готторпов с большим количеством немецких чиновников и дворян и ориентировалась во внешней политике на союз с Австрией и Пруссией.

Основу мировоззрения славянофилов вслед за Н.М. Карамзиным (1766–1826) составляла критика «Петровской революции», то есть привнесения Петром I в Россию западных порядков (Куприянов, 2018). Эти «западные порядки» не были испанскими или британскими: то была именно германизация российской элиты, российского среднего класса и самой российской политической системы. Славянофилы с призывом вернуться к традициям допетровской России критиковали засилье

немцев в государственной системе и культуре России, то есть основу «Петровской революции». В дальнейшем внутри славянофильства выделялись два крыла. Одно вслед за Н.Я. Данилевским (1822–1895) рассматривала зарубежную Европу как единую недружественную России «романо-германскую культуру»; другое под воздействием идей пробуждающегося славянофильства все сильнее критиковало политику Австрии, в чем сходились со своими оппонентами – западниками.

Датой надлома русско-германской системы стал 1848 г., когда революционный Франкфуртский парламент принял проект конституции объединенной Германии с предложением принять императорскую корону прусскому королю. Прусский король от нее отказался, но это положение могло в будущем и измениться. В будущую Германию были гипотетически включены такие спорные территории, как Шлезвиг, Богемия и Моравия, Лимбург. Однако во Франкфуртском парламенте обсуждались и вопросы о Триесте и Адриатическом побережье, Освенциме и Заторе (этнически польских землях), и Остзейском крае России. Одним из последствий Франкфуртского парламента стала также Первая датско-германская война (1848–1850) за Шлезвиг и Гольштейн.

Результат проявился в Крымской войне (1853–1856 гг.). 20 апреля 1854 г. Австрия и Пруссия заключили между собой отдельный договор. Особой его статьей было указано, что если не последует вскоре выступления русских из Дунайских княжеств, то Австрия потребует очищения их, а Пруссия поддержит это требование. В случае неудовлетворительного ответа, обе державы обязались приступить к наступательным действиям, которые могут быть вызваны также присоединением княжеств к России или переходом русских за Балканы. Следом Союзный сейм одобрил

присоединение к австро-прусскому договору Германского союза при условии, что он будет носить сугубо оборонительный характер. В июне 1854 г. Россия вывела армию из Дунайских княжеств, которые заняла австрийская армия как гарант мира и безопасности княжеств до окончания военных действий. Россия впервые со времен Наполеоновских войн оказалась перед угрозой большой войны на Западе: лучшие силы воевали не в Крыму, а были развернуты вдоль западной границы в ожидании войны с Австрией, Швецией, а, возможно, и Пруссией, что было контурами будущего русско-германского конфликта.

Австро-русская ссора открывала окно возможностей для Пруссии, которая стала реализовывать малогерманский проект. Русский император Александр II (1855–1881) поддерживал политику канцлера Отто фон Бисмарка по созданию Германской империи. Тактически это позволяло России аннулировать итоги Крымской войны и сохранить династический альянс с Пруссией как подобие Священного союза. Однако провозглашение в 1871 г. Германской империи («Второго Рейха») ставили под сомнение не только российские позиции в Германии, но и саму «Петровскую революцию». Отныне у немцев-лютеран была своя империя со столицей в Берлине, со своей идеологией и идентичностью. Россия после 1871 г. оказалась системно не нужна в «германском мире», ибо ее традиционная ниша как империи-гаранта существующих отношений оказалась занята Германской империей.

Закат системы

Современники не сразу осознали произошедшие сдвиги. В начале 1870-х гг. Россия, новая Германия и Австро-Венгрия предприняли попытку реформировать систему через создание Союза трех

императоров. Однако франко-германские военные тревоги, Русско-турецкая война 1877 г. и Берлинский конгресс разрушили эту систему

Австро-германский союзный договор 1879 г., направленный против России, означал удаление Российской империи из «германской системы». Германия и Австро-Венгрия обязались поддерживать друг друга против России, в то время как на случай войны с третьей державой (например, Германии с Францией или Великобританией) обещали друг другу благожелательный нейтралитет. С 1873 г. русское военное планирование уже разрабатывало вариант войны с Германией¹¹. В 1880 г. Россия разработала план войны с австро-германским союзом и впервые после Крымской войны передислоцировала наиболее боеспособные силы с южного на западное направление. Формально стороны продляли «Союз трех императоров» до 1887 года, однако перспектива австро-германского военного союза против России становилась все более явной.

На официальном уровне Россия и Германия еще демонстрировали видимость партнерства, особенно в первые десять лет царствования Николая II (1894–1917): достаточно вспомнить поддержку Германией Российской политики на Дальнем Востоке, попытки немецкого посредничества в австро-русских отношениях и личную дружбу Николая II и Вильгельма II – последний даже стал крестным отцом Цесаревича Алексея Николаевича. Но логика русско-германского и австро-русского конфликта неизбежно вела Россию к заключению в 1892 г. союза с Францией, переплавленного затем в тройственную Антанту с участием Великобритании.

Неудачная попытка заключить русско-германский союзный договор (Бьоркский договор) в 1905 г. доказала необратимость этой тенденции.

Для нашей темы важнее иное. Противоречия России с Германией и Австро-Венгрией начали трансформировать русско-германскую систему в конфликтную. Здесь отчетливо выделились две плоскости противостояния.

Идеология славно-германского конфликта. Ответ России на «германский вызов» был логичен. С 1860-х гг. часть идеологии славянофильства начала преобразовываться в панславизм: идеологию, постулирующую единство всех славянских народов и наличие у России морально-этического долга перед всеми славянами¹². Изначально панславизм был австрийской идеологией, согласно которой воспитанные Габсбургами западные славяне должны были нести европейскую культуру другим славянам. Однако затем Россия перехватила инициативу у Австрии в процессе славянского освобождения на Балканах, поставив вопрос и о будущем австрийских славян. Венский кабинет воспринял переход России к идеологии панславизма как плохо завуалированное покушение Петербурга на территориальную целостность Австро-Венгрии (Григорьева, 2011), в которую была преобразована Австрийская империя в 1867 г.

Идеология славяно-германского противостояния пришла в Россию через критику остзейских немцев. Ее инициатором стал славянофил Ю.Ф. Самарин (1819–1876), поставивший вопрос о неприязненном отношении к русским в остзейском крае¹³. Интересно, что схожие мысли высказывал и радикальный

¹¹ Persson G. Learning from foreign wars. Russian military thinking 1859–1873. *Helian Studies in Military History*. No. 1. P. 108–109.

¹² Пыпин А.Н., Панславизм в прошлом и настоящем, СПб, 1913. С. 55–62.

¹³ Самарин Ю.Ф. Письма из Риги // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. VII. М., 1889. С. 3–159.

западник А.И. Герцен (1812–1870) в статье «О развитии революционных идей в России» (1851): «Немцы <...> далеко не олицетворяли прогресса; ничем не связанные со страной, которую не давали себе труда изучить и которую презирали, считая варварской, высокомерные до наглости, они были раболепнейшим орудием императорской власти»¹⁴. В 1864 г. М.Н. Катков указывал, что балтийский конституционализм готовит присоединение Остзейского края к Пруссии (Емельянов, 2014). В рамках этой кампании в России около 1865 г. началось использоваться понятие «Натиск на Восток» (*Drang nach Osten*) в отношении немецкой политики.

Итоги Русско-турецкой войны 1877 г. вызвали еще не до конца осмысленный перелом в идеологии панславизма. После Берлинского конгресса панславизм стал превращаться в антигерманскую идеологию. Выразителем этого поворота стал, видимо, генерал М.Д. Скобелев (1843–1882) – герой Русско-турецкой войны. В феврале 1882 г. он произнес речь в петербургском ресторане «Борея» против Германии и Австро-Венгрии как угнетателей славянских народов. 17 февраля 1882 г. последовало его новое выступление в Париже, где он заявил: «Борьба между славянством и тевтонами неизбежна... Она даже очень близка. Она будет длительна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян». Пока эта вражда относилась преимущественно к Австро-Венгрии, но Германия, как союзник Вены, также все больше воспринималась как враждебный оплот германизма.

Конфликт с австро-германским блоком вел к изменению Российской идеологии и культуры, начавшемуся со вступлением

на престол императора Александра III (1881–1894 гг.). Политика русификации апеллировала к возрождению роли православия и допетровской культуры как новой опоры России (примечательно, что при Александре III черно-желто-белый флаг империи, напоминавший австрийский, был вытеснен привычным нам российским триколором). Во всех регионах империи началась политика русификации, связанная с укреплением позиций русского языка и православия. В 1887 г. правительство Александра III законодательно сократило права немецких колонистов. В каком-то смысле политика обер-прокурора Священного синода К.П. Победоносцева превращала Россию в «анти-Германию», что создавало механизм кризиса внутри германизированной Российской империи.

Противостояние германизму стало все больше охватывать русскую культуру. Мы часто забываем, что знаменитые картины В.М. Васнецова (1848–1926) и М.А. Врубеля (1856–1910), музыкальные произведения П.И. Чайковского (1840–1893) и А.П. Бородин (1833–1887) были написаны как своеобразный ответ немецкому композитору Рихарду Вагнеру (1813–1883)¹⁵. Это была попытка воскресить древнерусские, славянские мотивы как оппозицию мистике пангерманизма. Одновременно в Москве стал формироваться архитектурный стиль в нарочито-древнерусском стиле, противопоставляемый немецкому стилю императорского Санкт-Петербурга. На конец XIX в. приходится и русский религиозный ренессанс: обращение к допетровскому православию как новой опоре национальной России. В работах русских религиозных мыслителей Серебряного века (В.В. Розанов. Н.А. Бердяева,

¹⁴ Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 420.

¹⁵ Дурылин С. Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства. М.: Mycaget, 1913. URL: <http://russianway.rhga.ru/upload/main/25v.pdf> (дата обращения: 12.01.2025)

С.Н. Булгакова) мы можем найти немало пассажей о противостоянии «русской идеи» германизму.

В Германии в свою очередь шел подъем движения пангерманизма. Это понятие используется исследователями в двух значениях: 1) узком – движение в Австро-Венгрии за воссоединение ее немецкой части с Германией; 2) широкое – идеология, постулирующая объединение всех немцев в единое государство. Реализацией этой философии стала немецкая концепция «Срединной Европы» (*Mittel Europa*), разработанная еще в период революции 1848 г. австрийскими делегатами Франкфуртского парламента Карлом Людвигом фон Бруком и Людвигом фон Штейном. Эта концепция апеллировала к опыту Священной Римской империи германской нации периода ее расцвета (X–XIII вв.), когда ее император считался ведущим светским монархом Европы. Германская империя переняла после 1871 г. австрийскую стратегию. В каком-то смысле Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, дополненный союзом Австро-Венгрии с Сербией и Румынией, реализовывал эту концепцию. Однако здесь возникал вопрос: «Как выстроить фронт между «Срединной Европой» и Россией, которая уже выдавливалась из Европы?».

Обсуждение восточных претензий происходило в немецком обществе во многом через готскую проблематику. Немецкий историк и писатель Феликс Дан (1834–1912) обосновал в сочинении «Германские короли» (1861–1909) теорию «готской культуры», сменившей Римскую империю¹⁶. Особое внимание Дан уделял «королевству

остготов Германариха», локализуя его на всем пространстве от Волги до Черного моря. Немецкий археолог Пауль Райнеке соотнес готское государство на Днепре (Ойум) III–IV вв. с открытой в 1899 г. Черняховской культурой на территории современных Украины, Молдавии и Румынии¹⁷. Данные о Черняховской культуре немецкие историки пытались соотнести со скандинавской «Сагой о Хервер», где упомянута другая готская столица – Археймар, а также «черный лес Мюркид». Приднепровье превращалось в исконно германский мир, едва ли не колыбель германской государственности, которая была потеряна под ударами азиатов-гуннов и предательствам славян-антов¹⁸.

Готская проблема обосновывала германские претензии на западные российские земли. Еще в 1870-х годах немецкий историк Пауль де Лагард (1827–1891) считал продолжением объединения германских земель присоединения территории от Немана до «древних готских земель Причерноморья»¹⁹. В 1888 г. немецкий философ Эдуард фон Гартман (1842–1906) опубликовал статью «Россия в Европе», в которой обосновывал уже необходимость создания «нового буфера». «Финляндия была бы отдана Швеции, Бессарабия – Румынии, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вместе с Ковенской и Виленской губерниями преобразованы бы в самостоятельное Балтийское королевство, а речная область Днепра и Прута – в королевство Киевское»²⁰. В созданном 1891 г. Пангерманском союзе сразу возникли две условные фракции: одна выступала за колониальную экспансию (что вело к конфликту

¹⁶ Dahn F. Die Könige der Germanen. München; Leipzig, 1861–1909. Bd. 1–12.

¹⁷ Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur. Mainzer Zeitschrift. 1906. Jg. 1 S. 42–50.

¹⁸ Brenner E. Die Stand der Forschung über die Kultur der Mehrowingerzeit. Bericht der römisch-germanischen Kommission. 1912. Bd. VII. S. 1–109.

¹⁹ Lagard P. von. Über die gegenwärtige Lage des deutschen Reichs. Ein Bericht. Göttingen. 1876.

²⁰ Hartmann E. von. Russland in Europa. Die Gegenwart 33, 3 (January 21, 1888). S. 37–38

с Великобританией), вторая – континентальной экспансии в отношении России. В 1906 г. на Пангерманском съезде были озвучены требования немедленной интервенции для «защиты германства».

В российской историографии популярна знаменитая записка министра внутренних дел П.Н. Дурново о ненужности для России союза с Великобританией и войны с Германией. Однако существовали и противоположные точки зрения. В феврале 1912 г. начальник морского штаба А.А. Ливен подал в министерство иностранных дел секретный документ №10 под названием «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы». А.А. Ливен прогнозировал, что если Германия одержит победу на Западе над Великобританией и Францией, «тогда от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины»²¹. В контексте нашей темы важно, что речь о двух регионах в составе России: 1) «остзейского края», 2) Северного Причерноморья от Бессарабии до Поти.

Становление конфликтного буфера. Формирование конфликтного пространства изменило западный «буфер» – приграничные регионы между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией, – с другой.

Прежде всего, обострилась проблема Остзейских губерний, где правительство Александра III сократило автономию остзейцев. В 1888 г. местная полиция в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии была реорганизована по общеимперскому образцу, а в 1889 г. здесь была введена общероссийская судебная система на основе

судебного устава 1864 г. Народные школы и учительские семинарии изымались из ведения дворянства и переходили в подчинение Министерства народного просвещения; русский язык утверждался в качестве языка переписки правительственных и местных сословных учреждений, а также последних между собой.

Русский кабинет стал искать противовес остзейским немцам в Прибалтике. Русские власти благосклонно (несмотря на отдельные эксцессы) относились к начавшемуся с 1856 г. младолатышскому движению в Лифляндии. Параллельно во второй половине XIX в. в Эстляндии началось эстонское национальное движение. В 1857 г. поэт Йоханн Вольдемар Яннсен использовал в качестве названия словосочетание эстонский народ (эст. *eesti rahvas*), вместо прежнего самоназвания «сельские жители» (эст. *maarahvas*). Поэт Фридрих Крейцвальд под влиянием истории создания финского эпоса «Калевала» обработал эстонские предания, создал в 1862 г. эпос «Калевипоэг».

На юге австро-русский конфликт привел к оформлению украинского движения. В 1876 г. император Александр II ввел ограничения на издание литературы на малороссийском языке, что привело к перемещению центра малороссийского движения из Полтавы в Австрию. Австрийское правительство по предложению кронпринца Рудольфа Габсбурга (1858–1889) решило использовать его в австрийских интересах. В Галиции начались репрессии против «москвофилов» – движения про-русски настроенных русин. В 1885 г. во Львове была создана Народная Рада – политическое движение, провозглашающее существование единого украинского народа, отличного от русского и польского.

²¹ Ливен А.А. Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы. URL: <http://www.zlev.ru/cont112.htm> (дата обращения: 12.01.2025)

В 1890 г. в сейме Галиции депутаты Ю. Романчук и А. Вахнянин заявили о создании украинской фракции, представляющей интересы «православно-униатского населения Галицкой Руси». Австро-Венгрия стала претендовать на роль покровителя украинства – движения за создание государственности Галиции и Малороссии.

Русско-германский конфликт создал, таким образом, фундамент для появления будущих государственных образований: Эстонии, Латвии и Украины. Западные регионы Российской империи (равно как и северо-восток Австро-Венгрии) становились конфликтным пространством.

Системная роль Первой мировой войны. Первая мировая война поставила перед русским обществом вопрос о существовании столь мощной германизированной монархии и элиты. Западники приветствовали союз России с Великобританией и Францией: Антанта казалось им воплощением правильной российской политики, разворотом к либеральному Западу. Славянофилы, превратившиеся в панславистов, видели войну как защиту Россией «общеславянского дела». Династия Романовых воспринималась в таком контексте как «внутренняя Германия», не вписывавшаяся в новую политическую систему.

Революция вызревала постепенно: погром немецкого посольства и переименование Санкт-Петербурга в Петроград в 1914 г. переросли в немецкие погромы 1915 г. Параллельно происходили две волны депортации немецкого населения в Сибирь: сначала из «Остзейского края» были депортированы немецкие подданные, затем в Сибирь была депортирована часть остзейских немцев (1915–1918 гг.), далее переселили Волынских немцев (вопрос о том, когда были ликвидированы немецкие общины Черноземья остается дискуссионным: по мнению одних авторов в ходе Гражданской войны, по мнению

других, они просуществовали до 1941 г.). На фоне неудач на фронте в стране все чаще возникал вопрос о «немецкой измене» (Меленберг, 1996). Логическим итогом этих процессов стало свержение в 1917 г. «династии Гольштейн-Готторп-Романовых и германизированной элиты».

Рискнем предположить, что именно с этим был связан главный парадокс белого движения: в нем практически не было реставрационной идеологии. Лидеры белых не выдвигали лозунгов механического возвращения Российской империи как монархии Гольштейн-Готторпов со столицей в Санкт-Петербурге и системы «Табеля о рангах» с германизированными должностями. Белое движение также выступало под триколором, не поднимая черно-желтый монархический флаг. Не потому ли, что германизированная система Российской империи была уже невозможна после Первой мировой войны? Образно говоря, Россия с гофмаршалами, обер-полицмейстерами и штабс-капитанами «умерла» осенью 1914 г. Дальше следовал конфликт разных групп реформаторов, но не сторонников реставрации и реформ: возвращения в 1913 г. не постулировала ни одна значимая политическая сила.

Свержение монархии спровоцировало отделение от России окраин. В 1917 г. свою независимость провозгласили Польша (под контролем Германии), Финляндия и Украина (правительство Центральной Рады). На этой основе в Германии вполне логично вырастал проект отделения от России серии буферных государств по наметившейся еще до войны линии разлома русско-германской системы. Брестский мир 3 марта 1918 г. отделил от Советской России Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину и Закавказье по так называемой «линии Гофмана». Уже весной 1918 г. немецкие войска вошли в Крым, Ростов-на-Дону и Таганрог, признали

на Дону казачье правительство П.Н. Краснова, а затем в Грузию. *«Линия Гофмана» отделила Советскую Россию от Балтийского и Черного морей, то есть фактически ликвидировала итоги петровского и екатерининского «рыва в Европу».*

Поражение Германии в Первой мировой войне привело к парадоксальному результату. На рубеже 1917–1918 гг. под руководством Германии свою независимость провозгласили Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Украина – государства так называемой Балто-Черноморской системы. Антанта на Парижской конференции 1919–1920 гг. сохранила их государственность (исключение составила Украина, но и она сохранила атрибуты государственности в рамках Союза ССР). Однако ни остзейские, ни причерноморские немцы не создали своего государства. Напротив, в Эстонии и Латвии немцы оказались в положении национальных меньшинств, что изменило статус остзейцев.

Гражданская война в бывшей Российской империи ослабила демографический потенциал немецкого населения. Большинство остзейцев поддержали белое движение: достаточно вспомнить имена П.Н. Врангеля, В.О. Каппеля, Е.К. Миллера, Р.Ф. Унгерна, не говоря уже о рядовых участниках. Часть из них погибла, часть отправилась в белую эмиграцию, часть сменила фамилии и приспособилась к новой жизни, растворившись в составе русского народа. Свою роль сыграли голод, эпидемии, погромы в Санкт-Петербурге и других крупных городах России. Из советских городов уже в 1920-х гг. почти исчезли немецкие магазины, аптеки, кирхи – неотъемлемая часть быта дореволюционной России.

Однако и в Германии Первая мировая война завершилась Ноябрьской революцией 1918 г., то есть свержением прусской аристократии, исторически родственной

России (Ланник, 2012). Новая немецкая элита формировалась уже на основе выходцев из южных и западных немецких земель. Этнополитический мост, соединявший русско-германскую систему, оказался разделен между новыми государствами.

Распад системы

Несмотря на итоги Первой мировой войны, у системы сохранялись еще три жизнеспособных осколка – остзейское население Латвии и Эстонии, немецкие династии, родственные Гольштейн-Готторпам в Румынии и Болгарии, белая эмиграция, одним из центров которой выступал Берлин. В каком-то смысле на смену «русской Германии» пришла «немецкая Россия» – 200 тыс. русских эмигрантов, проживавших в Германии. Да и в самом СССР еще сохранялись и АССР немцев Поволжья, и немецкая община Ленинграда и ряда других городов. Все это создавало потенциал для возрождения русско-немецкой системы в ее удивительных комбинациях.

Интересным вариантом развития русско-немецкой системы могло бы стать создание государства остзейских немцев. 8 марта 1918 г. в Митаве (совр. Латвия) Ландтаг провозгласил независимое Курляндское герцогство под патронажем германского императора и прусского короля. 12 апреля 1918 г. в Риге состоялся съезд представителей Лифляндии и Эстляндии, на котором 58 делегатов проголосовали за создание Балтийского герцогства, а Курляндское герцогство стало его частью. Главой Балтийского герцогства стал Генрих Гогенцоллерн, принц Прусский, брат Вильгельма II. В октябре 1918 г. главой государства стал герцог Адольф Фридрих Мекленбург-Шверинский, который выполнял роль суверенного монарха, формально подчиненного кайзеру. Территория

государства подразделялась на шесть кантонов – Курляндию, Латгалию, Южную Лифляндию, Северную Лифляндию, Эзель и Эстляндию. Столица Балтийского герцогства – Рига – имела статус вольного города. Однако после поражения Германии в Первой мировой войне новые государства – Эстония и Латвия – к 1920 г. ликвидировали Балтийское герцогство, закрепив свою государственность через мирные договоры с Советской Россией и вступление в Лигу Наций.

Создание Балтийского герцогства могло бы изменить весь характер истории Восточной Европы. Оно было бы продолжением традиций и государственности Российской империи – прежде всего ее формы, существовавшей до начала «русификации» при Александре III. Это государство больше было бы связано с традициями императорского Санкт-Петербурга, чем белые режимы юга России, опиравшиеся на «февральскую» государственность, то есть враждебную германской традиции. В этом случае Российская империя имела бы свое продолжение: в мире существовала бы «иная Россия» помимо СССР. Вместо этого белая эмиграция оказалась дискретной – без собственной государственности, что привело к ее растворению.

Показательной была деятельность Коминтерна, пытавшегося использовать ресурс Коммунистической партии Германии (КПГ). Последняя после Ноябрьской революции 1918 г. виделась в Москве как наиболее мощный отряд мировой революции. Создание СССР в 1922 г. казалось первым шагом к включению в него будущих советских республик, прежде всего коммунистической Германии. Конечно,

для большевиков был важен сам по себе курс на «мировую революцию», однако приоритетность Германии (на фоне разветвленных связей русских-большевиков с немецкой социал-демократией) в каком-то смысле восстанавливала систему приоритетных русско-германских контактов. Неудачная попытка Коминтерна поднять немецкую революцию осенью 1923 г. охладила пыл к реализации этой идеи. Однако мы вновь видим проект сборки (пусть и в коммунистическом варианте) России и Германии в единое государство²².

В Веймарской Германии вопреки расхожим штампам бросается в глаза отсутствие сколько-нибудь значимого реваншизма в отношении стран Запада. Ни одна из влиятельных партий Веймарской республики не ставила на повестку дня вопрос о денонсации Версальского договора и не устраивала уличных манифестаций с призывом к войне-реваншу с бывшей Антантой. Гораздо большую роль в немецком обществе стал играть дискус «экспансии на восток» (Артамошин, 2002). Поставстрийские государства виделись из Берлина как временная комбинация, искусственно созданная Антантой, которая вполне может быть пересмотрена при изменении Политической конъюнктуры. Параллельно под влиянием Революции 1917 г. в немецком обществе произошла «деевропеизация» России (Spengler, 1933). После свержения династии Гольштейн-Готторп-Романовых и германизированной элиты Россия оказалась как бы выброшенной из жизни Европы, вернувшись к азиатскому прошлому. Большевизм представлял как движение за возвращение России к Азии, что придава-

²² «Если с какого-нибудь конца начнется революционная встряска Европы, то это с Германии. Только Германия может взять инициативу в этом отношении, и победа революции в Германии есть обеспечение победы международной революции», – указывал, например, И.В. Сталин. Сталин И.В. О компартии Польши: Речь на заседании польской комиссии Коминтерна 3 июля 1924 г. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 266–267.

ло Германии статус «стража европейской цивилизации» от коммунистического Востока (Breuer, 2010).

Еще Локарнские соглашения 1925 г. предусматривали незыблемость западных границ Германии (под гарантиями Великобритании и Италии), но не гарантировали германских границ на востоке с Польшей и Чехословакией. Эти идеи были доведены до логического конца во внешнеполитической программе НСДАП. Проект А. Гитлера состоял в том, чтобы заключить сделку с Великобританией: Германия отказывается от реванша за Первую мировую войну ради борьбы с коммунизмом и широкой экспансии на восток. Логика Гитлера основывалась на том, что Россия после свержения Романовых (точнее, их Гольштейн-Готторпской ветви) перестала существовать как субъект, став полем для экспансии разных стран. Германия, по его словам, уже завоевала себе жизненное пространство на востоке в 1918 года: помешал ненужный конфликт с Антантой.

В научной литературе давно стало правилом критиковать Пакт Молотова-Риббентропа и прилагавшийся к нему Секретный дополнительный протокол. При этом забывается, что все разделенные государства Восточной Европы были продуктами Первой мировой войны и возникли всего за двадцать лет до подписания этого пакта. СССР и Германия фактически восстанавливали границу, напомилавшую границы 1914 г. Бывшее Царство Польское отходило теперь под протекторат Германии, став Польским генерал-губернаторством почти в тех же границах, а бывшая австро-венгерская Галиция отходила СССР, став частью Украинской ССР. На роль третьего центра здесь выдвигалась союзная Германии Венгрия, присоединившая к себе части Югославии, Румынии и Чехословакии и приблизившись к границам Венгерского королевства 1867 г.

Такая перекройка Восточной Европы в духе Венского конгресса оказалась несостоятельной. Руководство Третьего Рейха ставило перед собой задачу ликвидации Советского Союза как политического субъекта и формирования на его территории новых субъектов, размеры и границы которых остаются дискуссионными. Для нашей темы здесь важны два момента: то, что СССР рассматривался руководством Рейха как непрочное образование, которое рухнет после первых поражений по сценарию Российской империи 1917 г., а также предположительные границы немецкой колонизации на востоке. Советский историк Л.А. Безыменский определил их на основе немецких документов как Прибалтика и Ингерманландия (с Санкт-Петербургом) и Причерноморье – Крым (Безыменский, 1981). Автор бы продолжил его мысль: это были претензии Берлина на постановку под свой контроль всей территории русско-германской системы на период ее максимума 1840-х гг.

Инобытие системы

Вторая мировая война привела к ликвидации остатков русско-германской системы. В 1939–1940 гг. правительства Латвии и Эстонии провели массовую депортацию остзейских немцев в Германию, что ликвидировало осколок императорской России. В ходе войны в СССР были ликвидированы АО Немцев Поволжья и ряд немецких поселений с депортацией немецкого населения в Казахстан и Сибирь. По итогам Второй мировой войны 12–14 млн немцев были депортированы с территории Калининградской области СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии. Между СССР и Германией был воссоздан барьер национальных государств без каких-либо германских диаспор: Польша, Чехословакия, Венгрия,

Румыния. После распада СССР этот барьер дополнился вторым поясом: Прибалтийские страны, Белоруссия, Украина. Русско-немецкие отношения окончательно лишались демографического моста, существовавшего между Россией и германскими государствами со времен Петра I.

В 1947 г. союзники ликвидировали Пруссию, отбрасывая новую Германию в границы XII в. на запад – в Рейнско-Баварскую платформу. «Прусское наследство» поделили между собой Польша и СССР. Три прусские провинции – Силезия, Познань и Предпомерания – были переданы Польше; Восточная Пруссия – поделена между СССР и Польшей: восточная часть с Кенигсбергом (сов. Калининград) отошла Советскому Союзу, западная часть с Мальбургом (совр. Мальборк) – Польше. Все немецкие города были переименованы на польский или русский манер, что ликвидировало память о Пруссии.

Провозглашение ФРГ и ГДР в 1949 г. имело не просто идеологическое, но и глубокое культурно-политическое значение. ФРГ была воссоздана на основе Рейнско-Баварской платформы и территориально воссоздавала Рейнский союз Наполеона Бонапарта. Такая рейнско-баварская Германия легко интегрировалась в возникавшее «атлантическое сообщество», поскольку на культурно-ценностном уровне была исторически связана с ним больше, чем Пруссия и даже Австрия. В историографии, а затем и политической науке утверждался новый дискурс: Германии без Пруссии. Истории Второго и Третьего рейхов – это история не Германии, а Пруссии, которая уже не существует с 1947 года на карте Европы. В таком дискурсе

сами Западная и Центральная Германия были принудительно объединены в «рейхи» как бы не совсем немецкой Пруссией, короли которой были родней российских императоров и смотрели на Санкт-Петербург, а не на Париж и Лондон.

Для СССР ситуация оказалась менее благоприятной. ГДР – примерно в границах Бранденбургской марки – территориально была слишком малой единицей для создания «второй Германии». Логическим завершением этого курса стало согласие советского руководства на объединение Германии в 1990 г. Германия сохранялась в рамках «атлантической системы», по сути, только присоединив к себе легко усваиваемую Бранденбургскую платформу. Единственное, что изменилось: это отдаление сначала СССР, а затем России от Германии почти двойным кордоном недружественных стран.

Не менее интересной оказалась прибалтийская проблема. Советский Союз в 1946 г. присоединил к себе наследие как Ливонии, так и «коренной Пруссии»: опорных земель бывшего Тевтонского ордена. Возникал вопрос о том, что с ним следует делать? В советских учебниках истории Тевтонский орден и его Ливонское ландмейстерство, ошибочно называемое «Ливонским орденом», подавались в сугубо негативном ключе²³. Однако попытки написать общую историю СССР как историю всех входящих в него народов ставили вопрос о месте в нем немецкого наследия. С «ливонским наследством» вопрос был решен просто: оно было отнесено к культурному наследию латышского и эстонского народов. Именно это Ливонское наследие сделало Латвийскую ССР

²³ Например, в учебнике «История СССР» 7 класс 1971 г. были соответствующие параграфы: «Борьба русского народа и народов Прибалтики со шведскими и немецкими феодалами», затем – «Народы Украины, Белоруссии и Литвы в борьбе с агрессией немецких феодалов». При этом превозносилась победа Польско-Литовского государства в Грюнвальдской битве 1410 г.: «Единением славянских народов и Литвы было отражено одно из наиболее опасных наступлений немецких феодалов на литовские и славянские земли».

объектом туризма и киноиндустрии, став в СССР «своим средневековьем». «Тевтонское наследие», напротив, оставалось в полуразрушенном состоянии из-за особого статуса Калининградской области, полузакрытой для массового посещения.

Ситуация изменилась после распада СССР в 1991 г. «Ливонское наследство» ушло Латвии и отчасти Эстонии, которые через советскую политику превратили его по факту в собственный культурно-исторический фонд. Калининградская область стала опорой России на Балтике, что побудило Москву ускорить экономическое и культурное развитие области (Клименик, 2018). Это вело к появлению нового и еще не до конца осмысленного феномена – русской Пруссии. Ситуация оказалась тем более интересной, что исторический дискурс современной ФРГ построен на отрицании прусского наследия, восприятии Пруссии как негатива. Коренная часть Восточной Пруссии отошла в состав России без немецкого населения, но с прусским культурным наследием, которое постепенно выходит на первый план (Губин, Строкин, 2006).

Вместе с тем, проработка «русской Пруссии» ставит вопрос о трансформации самой русской культуры. Интеграция в нее тевтонского наследия теоретически возможна через реабилитацию роли немцев в построении Российской империи – тема, остающаяся полузакрытой после Революции 1917 г. Признание этой

роли повлечет за собой реабилитацию всех сюжетов, связанных с проблемами остзейских немцев, а через них – и русско-прусских отношений XIX в. Признание родственных связей между Романовыми и Гогенцоллернами, Романовыми и немецкими монархами, популяризация этих сюжетов в дружественном к немецкой культуре дискурсе, сделает Восточную Пруссию в составе России не случайным гостем, а по-своему ее закономерной частью. Если современная ФРГ построена на антипрусской основе, то Пруссия находит свой естественный приют в России – другой наследницы в прошлом единой русско-германской системы.

* * *

Вопрос о том, может ли русско-германская система воскреснуть в будущем, пока остается дискуссионным. На данный момент этому мешают три фактора: отсутствие в России и в Германии значимой немецкой и русской диаспор, особая роль Великой Отечественной войны в исторической памяти и европейский (точнее, атлантический) выбор Германии. Поколебать эти опоры, фиксирующие окончательное расхождение России и Германии, в настоящее время невозможно. Потенциал для какого-либо крупного миграционного движения сегодня минимален. Разве что изменение границ в Восточной Европе сможет снова приблизить Россию и Германию друг к другу.

Received: February 1, 2025

Accepted: March 24, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-21-56

UDC: 94, 323

Political Science / Research article

EVOLUTION OF THE RUSSIAN-GERMAN ETHNOPOLITICAL SYSTEM

Alexey V. Fenenko, Doctor of Political Sciences,
Professor of the Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University.
Leninskie Gory st., 1, building 51, Moscow, Russia, 119234
E-mail: alfenenko@yandex.ru

Abstract: The article provides analysis of Russian-German relations as a special ethnopolitical system. The author defines the ethnopolitical system at the interstate level as a relationship between two or more ethnic groups, which acquires a new quality expressed through the creation of a common political system. This system must include five components: a significant representation of one nation in another nation's state; change in the quality of statehood of, at least, one of the participants; the emergence of new nations, intensive interaction between the participants and, finally, institutionalization. The author believes that Russian-German relations of the XVIII–XIX centuries were an example of such ethno-political system, which was characterized by all of the five listed characteristics. The development of this system included a number of stages: the emergence (the beginning of the XVIII century), the rise (XVIII – the beginning of the XIX century), zenith point (the second quarter of the XIX century), crisis (1850s), fall (the second half of the XIX century), and disintegration (the first half of the XX century) as the result of the two world wars. However, the modern ethnopolitical map of Eastern Europe, resulted from the Russian-German system, has a serious conflict potential.

Keywords: ethnopolitics, ethnopolitical system, Russian-German relations Russia, Germany, Prussia, Austria, Romanovs, Holstein-Gottorps, Oldenburgs, Ostsee Germans

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References

Blackbourn, D. & Geoff, E. (1984). *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany*. Oxford & New York: Oxford University Press.

Breuer, St. (2010). *Die Völkischen in Deutschland. Kaiserreich und Weimarer Republik*. Darmstadt.

Eisfeld A. (1991). *Die Rußlanddeutschen*. Verlag: Langen. Müller, München.

Gagliardo, J.G. (1980). *Reich and Nation. The Holy Roman Empire as Idea and Reality, 1763–1806*. Indiana University Press.

Jarrett, M. (2013). *The Congress of Vienna and Its Legacy: War and great power diplomacy after Napoleon*. L.; N. Y.

Kann, R.A. (1974). *History of the Habsburg Empire: 1526–1918*. Los Angeles: University of California Press.

Menger, Ph. (2009). Die Heilige Allianz – ‚La garantie religieuse du nouveau système Européen? In Wolfram Pyta (Hrsg.): *Das europäische Mächtekoncert. Friedens- und Sicherheitspolitik vom Wiener Kongreß 1815 bis zum Krimkrieg 1853*. Stuttgart, pp. 209–236.

Nipperdey, Th. (1996). *Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866*. Princeton, Princeton University Press.

- Russland an der Ostsee. (2012). Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert). Wien; Köln; Weimar.
- Scherbakowa, I. (2020). *Russland und Deutschland: Aspekte einer wechselseitigen Beziehung*. Stiftung Bundespräsident-Theodor-Heuss-Haus – Stuttgart.
- Smelser, N.J. (1962). *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press.
- Smith, A.D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. N.Y: Routledge. 184 p.
- Spengler, O. 1933. *Jahre der Entscheidung. Erster Teil. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung*. C.H. Beck, München. S. 43–44.
- Airapetov, O.R. (2017). *Vneshniaia politika imperatora Nikolaia I. 1825–1855* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Andreeva, N.S. (2001). Kto takie «ostzeitsy»? [Who Are the "Ostsee"?] *Voprosy istorii*, 10, 173–175.
- Andreeva, N.S. (2002). Status nemetskogo dvorianstva v Pribaltike v nachale XX v. [The Status of the German Nobility in the Baltics at the Beginning of the 20th Century] *Voprosy istorii*, 2, 44–61.
- Anisimov, E.V. (1989). *Vremia petrovskikh reform* [The Time of Peter the Great's Reforms]. Leningrad: Lenizdat.
- Anisimov, E.V. (2004). *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Annenkova, E.A. & Golikov, Iu.P. (2004). *Printsy Ol'denburgskie v Peterburge* [The Princes of Oldenburg in St. Petersburg]. SPb.: Rostok.
- Artamoshin, S.V. (2002). *Ideinye istoki natsional-sotsializma* [Ideological sources of national socialism]. Briansk.
- Asaul, A.N., Dzhaman, M.A. & Shukanov, P.V. (2010). Tsivilizatsionnye aspekty razvitiia etnopoliticheskikh system [Civilization aspects of the development of ethnopolitical systems]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 4(25), 5–15.
- Astvatsaturova, M.A. (2020). *Etnopolitika kak iskusstvo vozmozhnogo: teoreticheskie idei i prakticheskie proektsii*. Sbornik nauchnykh trudov [Ethnopolitics as the art of the possible: theoretical ideas and practical projections]. Moscow: Academia.
- Bertalanfi, L. fon. (1969). *Obshchaia teoriia sistem – kriticheskii obzor. Issledovaniia po obshchei teorii sistem: Sbornik perevodov* [General systems theory – a critical review. Studies in general systems theory: Collection of translations]. General ed. and the introduction by V. N. Sadovsky and E.G. Yudin. MOSCOW: Progress. P. 23–82.
- Bezymenskii, L.A. (1981). *Razgadannye zagadki tret'ego reikha. Kniga ne tol'ko o proshlom. 1933–1941* [Solved mysteries of the Third Reich. A book not only about the past. 1933–1941]. Moscow: Izdatel'stvo APN.
- Bolotina, I.I. (2019). Etnopoliticheskaia sistema obshchestva: k opredeleniiu poniatii [Ethnopolitical system of society: towards a definition of the concept]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*. Vol. 19, 3, 346–350.
- Chesnokova, A.N. (2001). *Nemtsy v Peterburge* [The Germans in St. Petersburg]. SPb.: Satis.
- Dugin, A.G. (1994). *Konservativnaia revoliutsiia* [Conservative Revolution]. Moscow. Arktogetia.
- Easton, D. (2015). Podkhod k analizu politicheskikh system [An Approach to the Analysis of Political Systems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 5, 17–37.
- Emel'ianov, E.P. (2014). Ostzeiskii vopros na stranitsakh slavianofil'skikh gazet (1861–1868 gg.) [The Baltic Question in the Pages of Slavophile Newspapers (1861–1868)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*, 14, 218–225.
- Evstigneev, V. (1995). Germanskoe ob"edinenie: uroki dlia Rossii [German Unification: Lessons for Russia]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 10, 155–158.
- Fenenko, A.V. (2020). *Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: 1648–1945* [History of International Relations: 1648–1945]. Moscow: Aspekt Press.

Filiushkin, A.I. (2008). Politicheskaya praktika moskovskikh vlastei v Livonii v pervye gody Livonskoi voyny (novye dokumenty) [Political Practice of the Moscow Authorities in Livonia in the First Years of the Livonian War (New Documents)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 77–88.

Gavrilov (2011). *Ostzeiskie nemtsy v Sankt-Peterburge. Rossiiskaya imperiya mezhdu shlezvigom i gol'shteinom. 1710-1918* [Baltic Germans in St. Petersburg. Russian Empire between Schleswig and Holstein. 1710-1918]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Grigor'eva, A.A. (2011). Vneshnaya politika Avstro-Vengrii na Balkanakh i panslavizm (60-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [Foreign Policy of Austria-Hungary in the Balkans and Pan-Slavism (1860s – early 20th centuries)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 7(54), 187–193.

Gubin, A.B. & Strokin, V.N. (2006). *Kreposti i zamki Vostochnoi Prussii* [Fortresses and Castles of East Prussia]. Kaliningrad: Iantarnyi skaz.

Iskiul', S.N. (2007). *Vneshnaya politika Rossii i germanskii gosudarstva (1801–1812)* [Russia's Foreign Policy and the German States (1801–1812)]. SPb.

Istoriya nemtsev Rossii. (2020) [History of the Germans of Russia]. German A.A. (red.). Moscow: MaVi grupp.

Kabuzan, V.M. (2003). *Nemetskoiazychnoe naselenie v Rossiiskoi imperii i SSSR v XVIII-XX vekakh (1719-1989)* [German-speaking population in the Russian Empire and the USSR in the 18th-20th centuries (1719-1989): Historical and statistical research]. Moscow.

Khavkin, B.L. (2014). *Rossia i Germaniya: 1900–1945* [Russia and Germany: 1900–1945]. Spletenie istorii. Moscow: Novyi khronograf.

Khoperskaya, L.L. (2013). Modeli konfliktnosti etnopoliticheskoi sistemy [Models of Conflict in the Ethnopolitical System]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 6(32).

Klimenik, E. (2018). Zamki Teytonskogo ordena na territorii Rossii [Castles of the Teutonic Order on the territory of Russia]. *Quaestio Rossica*, 4, 1078–1092.

Kosolapov, N.A. (1996). Politiko-psikhologicheskaya tipologiya konflikta [Political and psychological typology of conflict]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3-4.

Krashenninnikova, O.A. (2015). *Sinodal'nye reformy petrovskogo vremeni i krizis traditsionnykh predstavlenii o sviatosti (Chast' I)* [Synodal reforms of the Peter the Great era and the crisis of traditional ideas about holiness (Part I)]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 4, 49–55.

Kukharuk, A.V. (2012). *Bol'shie kavaleriiskie manevry 1837 goda pod g. Voznesenskom v kontekste politiki nikolaevskoi Rossii. Velichie i iazvy Rossiiskoi imperii. Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik v chest' 50-letiya O. R. Airapetova* [Large cavalry maneuvers of 1837 near Voznesensk in the context of the policy of Nicholas's Russia. The greatness and ulcers of the Russian empire. International scientific collection in honor of the 50th anniversary of O.R. Airapetov]. Moscow. P. 111–120.

Kupriyanov V.A. (2018). *Rossia i Evropa v rannem i pozdnem slavianofil'stve (A.Khomyakov i V. I. Lamanskii)* [Russia and Europe in early and late Slavophilism (A.S. Khomyakov and V.I. Lamansky)]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2, 21–33.

Lannik, L.V. (2012). *Germanskaya voennaya elita perioda Velikoi voyny i revoliutsii i «russkii sled» v ee razviti* [The German military elite during the Great War and revolution and the "Russian trace" in its development.]. Saratov: Izd-vo SGTU.

Lein, R. (1988). Publitsistika Tiutcheva v otsenke zapadnoevropeiskoi pechati kontsa 1840-kh – nach. 1850-kh gg [Tyutchev's journalism in the assessment of the Western European press of the late 1840s – early 1850s]. *Literaturnoe nasledstvo*, 97, 231–252.

Lesment, L. (1963). Petr I i byvshii Teytonskii orden [Peter I and the former Teutonic Order]. *Istoricheskie zapiski*, 73, 301–305.

Maksimych, I. (1996). Germanskii faktor evropeiskoi bezopasnosti [The German factor in European security. International life]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 11.

Melenberg, A.A. (1996). «Obida i gorech', dolg i chest'». Ostzeiskie nemtsy v voine s Germaniei 1914-1918 gg. Moral'nyi aspekt ["Resentment and bitterness, duty and honor". Baltic Germans in the war with Germany 1914–1918. Moral aspect]. *Rossiiskie nemtsy: Problemy istorii, iazyka i sovremennogo polozheniia*. Moscow: Gotika. P. 284–298.

- Molchanov, N.N. (1986). *Diplomatiia Petra Pervogo* [The diplomacy of Peter the Great]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 325–332.
- Nemtsy v Rossii: istoriko-dokumental'noe izdanie (2004) [Germans in Russia: historical and documentary publication]. Otv. redaktor G.I. Smagina. SPb.: Liki Rossii. 38–59.
- Pavlov, N.V. (2019). Germaniia — Rossiia — ES: treugol'nik sotrudnichestva ili protivorechii? [Germany — Russia — EU: a triangle of cooperation or contradictions?]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 5, 67–75.
- Rossiia i Germaniia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii: cherez veka istorii. (2012) [Russia and Germany in the System of International Relations: Through Centuries of History]. Ed. by V.N. Baryshnikova, A.Iu. Prokop'eva. SPb.
- Selart, A. (2013). Ivan Groznyi, Kaizer Livonskii? K istorii vozniknoveniia idei o rossiiskogo vassal'nogo gosudarstva v Livonii [Ivan the Terrible, Kaiser of Livonia? On the History of the Emergence of the Idea of a Russian Vassal State in Livonia]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavianskie i balkanskije issledovaniia*, 2, 180–197.
- Sharf, K. (2015). *Ekaterina II. Germaniia i nemtsy* [Catherine II. Germany and the Germans]. Moscow: Litagent «NLO».
- Tarle, E.V. (1992). *Napoleon* [Napoleon]. Moscow: Izdatel'stvo «Mysl'».
- Tatishchev, S.S. (2013). *Imperator Nikolai I i inostrannye dvory* [Emperor Nicholas I and Foreign Courts. Historical Essays]. Istoricheskie ocherki. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Lan'».
- Teilor, A.Dzh.P. (1958). *Bor'ba za gosподство v Evrope: 1848–1918 gg* [The Struggle for Dominance in Europe: 1848–1918]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi literatury.
- Timofeev, P.P., Khorol'skaia M.V. (2021). Sravnitel'nyi analiz podkhodov Germanii i Frantsii k otnosheniam s Rossiei [Comparative Analysis of the Approaches of Germany and France to Relations with Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 72–86.
- Tishkov, V.A., Shabaev Iu.P. (2019). *Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitical Science: Political Functions of Ethnicity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Tsyburskii, V.L. (1995). Tiutchev kak geopolitik [Tyutchev as a Geopolitician. Social Sciences and Modernity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 6, 86–98.
- Tsyburskii, V.L. (1997). Evropa–Rossiia: tret'ia osen' sistemy tsivilizatsii [Europe–Russia: the Third Autumn of the System of Civilizations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2, 56–71.
- Tsyburskii, V.L. (1998). Kak zhivut i umiraiut mezhdunarodnye konfliktnye sistemy (sud'ba baltiisko-chernomorskoi sistemy v XVI–XX vv.) [How International Conflict Systems Live and Die (the Fate of the Baltic–Black Sea System in the 16th–20th Centuries)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 4.
- Tverskoi, A. (1991). Rossiia i Germaniia: nam nuzhen vechnyi germano-russkii al'ians [Russia and Germany: We Need an Eternal German-Russian Alliance]. *Golos Rossii*, 1.
- Vozgrin, V.E. (2008). Sud'ba shlezvig-gol'shteinskogo nasledii rossiiskikh imperatorov [The fate of the Schleswig-Holstein legacy of the Russian emperors]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*, 2.

Литература на русском языке:

- Айрапетов О.Р. (2017). *Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855*. М.: Кучково поле.
- Андреева Н.С. (2001). Кто такие «остзейцы»? *Вопросы истории*. № 10. С. 173–175.
- Андреева Н.С. (2002). Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. *Вопросы истории*. № 2. С. 44–61.
- Анисимов Е.В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат.
- Анисимов Е.В. (2004). *Анна Иоанновна*. М.: Молодая гвардия.
- Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. (2004). *Принцы Ольденбургские в Петербурге*. СПб.: Росток.

- Артамошин С.В. (2002). Идейные истоки национал-социализма. Брянск.
- Асаул А.Н., Джаман М.А., Шуканов П.В. (2010). Цивилизационные аспекты развития этнополитических систем. *Вестник гражданских инженеров*. № 4(25). С. 5–15.
- Аствацатурова М.А. (2020). *Этнополитика как искусство возможного: теоретические идеи и практические проекции*. Сборник научных трудов. М.: Academia.
- Безыменский Л.А. (1981). *Разгаданные загадки третьего рейха. Книга не только о прошлом. 1933–1941*. М.: Издательство АПН.
- Берталанфи Л. фон. (1969). Общая теория систем – критический обзор. *Исследования по общей теории систем: Сборник переводов /* Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс. С. 23–82.
- Болотина И.И. (2019). Этнополитическая система общества: к определению понятия. *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. Т. 19, № 3. С. 346–350.
- Возгрин В.Е. (2008). Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров. *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. № 2.
- Гаврилов С. (2001). Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918. М.: Центрполиграф.
- Гаврилов С. (2011). *Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между шлезвигом и гольштейном. 1710–1918*. М.: Центрполиграф.
- Григорьева А.А. (2011). Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е гг. XIX – начало XX вв.). *Вестник Иркутского государственного технического университета*. № 7(54). С. 187–193.
- Губин А.Б., Строкин В.Н. (2006). *Крепости и замки Восточной Пруссии*. Калининград: Янтарный сказ.
- Дугин А.Г. (1994). Консервативная революция. М. Арктогея.
- Евстигнеев В. (1995). Германское объединение: уроки для России. *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 155–158
- Емельянов Е.П. (2014). Остзейский вопрос на страницах славянофильских газет (1861–1868 гг.). *Документ. Архив. История. Современность*. № 14. С. 218–225.
- Искюль С.Н. (2007). *Внешняя политика России и германские государства (1801–1812)*. СПб.
- Истон Д. (2015). Подход к анализу политических систем. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. № 5. С. 17–37.
- История немцев России. (2020). Герман А.А. (ред.). М.: МаВи групп.
- Кабузан В.М. (2003). *Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX веках (1719–1989):* Ист.-стат. исслед. М.
- Клименик Е. (2018). Замки Тевтонского ордена на территории России. *Quaestio Rossica*. № 4. С. 1078–1092.
- Косолапов Н.А. (1996). Политико-психологическая типология конфликта. *Социологический журнал*. № 3–4.
- Крашенинникова О.А. (2015). Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости (Часть I). *Культурное наследие России*. № 4. С. 49–55.
- Куприянов В.А. (2018). Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский). *Соловьевские исследования*. № 2. С. 21–33.
- Кухарук А.В. (2012). Большие кавалерийские маневры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России. *Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова*. М. С. 111–120.
- Ланник Л.В. (2012). *Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии*. Саратов: Изд-во СГТУ.
- Лесмент Л. (1963). Петр I и бывший Тевтонский орден. *Исторические записки*. Т. 73. С. 301–305.

Лэйн Р. (1988). Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – нач. 1850-х гг. *Литературное наследство*. Т.97. Кн.1. М. С. 231–252.

Максимычев И. (1996). Германский фактор европейской безопасности. *Международная жизнь*. № 11.

Меленберг А.А. (1996). «Обида и горечь, долг и честь». Остзейские немцы в войне с Германией 1914–1918 гг. Моральный аспект. *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения*. М.: Готика. С. 284–298.

Молчанов Н.Н. (1986). Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения. С. 325–332.

Немцы в России: историко-документальное издание (2004). Отв. редактор Г.И. Смагина. СПб.: Лики России. С. 38–59.

Павлов Н.В. (2019). Германия — Россия — ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 67–75.

Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. (2012). Под ред. В.Н. Барышникова, А.Ю. Прокопьева. СПб.

Селарт А. (2013). Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования*. № 2. С. 180–197.

Тарле Е.В. (1992). Наполеон. М.: Издательство «Мысль».

Татищев С.С. (2013). Император Николай I и иностранные дворы. Исторические очерки. Санкт-Петербург: Издательство «Лань».

Тверской А. (1991). Россия и Германия: нам нужен вечный германо-русский альянс. *Голос России*. № 1.

Тейлор А.Дж.П. (1958). Борьба за господство в Европе: 1848–1918 гг. М.: Издательство Иностранной литературы.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2021). Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией. *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–86.

Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. (2019). *Этнополитология: Политические функции этничности*. М.: Издательство Московского университета.

Фененко А.В. (2020). *История международных отношений: 1648–1945*. М.: Аспект Пресс.

Филлюшкин А.И. (2008). Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1. С. 77–88.

Хавкин Б.Л. (2014). *Россия и Германия: 1900–1945*. Сплетение истории. М.: Новый хронограф.

Хоперская Л.Л. (2013). Модели конфликтности этнополитической системы. *Вестник российской нации*. № 6(32).

Цымбурский В.Л. (1995). Тютчев как геополитик. *Общественные науки и современность*. № 6. С. 86–98

Цымбурский В.Л. (1997). Европа–Россия: третья осень системы цивилизаций. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 56–71.

Цымбурский В.Л. (1998). Как живут и умирают международные конфликтные системы (судьба балтийско-черноморской системы в XVI–XX вв.). *Полис. Политические исследования*. № 4.

Чеснокова А.Н. (2001). *Немцы в Петербурге*. СПб.: Сатис.

Шарф К. (2015). *Екатерина II. Германия и немцы*. М.: Литагент «НЛО».